ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Среда, 26 мая 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР № 28 (664)

Большевистский привет отважным завоевателям Северного полюса!

Полюс завоеван большевиками

Весь мир следит с напряженным вниманием за радиограммами с Северного полюса. Осуществлена давняя мечта лучших людей человечества, героических завоевателей ледяных просторов суровой Арктики. Сколько погибло их славной смертью — дерзающих, открывателей, новаторов. Волчьи законы капиталистического мира сковывали их действия, снижали смелый полет фантазии, ставили преграды их дерзким замыслам, вселяли в души отважных завоевателей трагизм одиночества.

На свой собственный страх и риск, в глубокой тайне, при полной безучастности и незаинтересованности своих собственных правительств, они пытались проникнуть в «белое пятно» ледяного бассейна, старались разгадать загадку Северного полюса. Боясь и торопясь, чтобы кто-нибудь не смог сделать этого раньше, они снаряжали арктические корабли, организовывали походы смельчаков с упряжками собак.

В своей трудной и часто бесславной борьбе они надеялись лишь на «провидение», на судьбу, на счастливый случай.

Удачное завершение похода приносило смельчаку славу, всемирное признание и в то же время рождало ощущение бесполезности и ненужности того дела, на которое были обильно затрачены лучшие духовные и физические силы. Неудача же и вовсе растаптывала человека, превращала его в ненужную вещь.

Каким трагизмом одиночества и безнадежности дышат предсмертные письма и дневниковые записи капитана Роберта Скотта, достигшего с группой верных людей Южного полюса. Он обращается не к правительству, не к народу, а к своим близким друзьям, оставшимся на родине, с просьбой не забыть, позаботиться о жене и детях. «Ради бога, не оставьте наших близких» — так звучит последняя фраза дневника, выведенная рукой умирающего капитана.

Мир социализма породил не только новые производственные и социальные отношения, он воспитал новых людей с новыми мыслями и чувствами.

Советский, социалистический мир создал условия, в которых героизм стал массовым явлением.

Каждый день приносит нам все новые и новые доказательства растущей силы и мощи социалистического строя. Мы уже перестали удивляться тому, что в предельно-короткие сроки создаются гиганты социалистической индустрии, что наши самолеты, построенные на советских заводах и советскими людьми, блестяще выдерживают испытания, что мы выше всех поднимаемся в стратосферу, устанавливаем мировые рекорды дальности полетов. Мы, наконец, не удивляемся тому, что честь завоевания Северного полюса и первой зимовки на Северном полюсе принадлежит нам, что впервые в истории человеческого общества на недоступном «крае земли» советские исследователи и завоеватели Арктики разбили палатку, установили радиостанцию и свои наблюдения передают всему миру. Но весь советский народ радостно восхищен героизмом замечательных победителей Арктики, их великой любовью к родине, блестящим знанием дела, их замечательной скромностью.

Отважным зимовщикам на Северном полюсе — Папанину — начальнику зимовки, Кренкелю, Ширшову и Федорову предстоит пробыть год на дрейфующей льдине в бассейне Северного полюса. Они будут в течение года отрезаны от всего мира тысячекилометровым безмолвием океана, покрытого вековыми льдами, им предстоит вести борьбу с арктическими вьюгами, страшными морозами. Но они не будут одиноки.

Вся страна социализма не только следит с восхищением за гордыми сынами социалистической родины, отважными завоевателями полюса; народ деятельно помогает в разрешении их трудной задачи. Наши храбрые летчики на самолетах, построенных советскими заводами, перевезут им научное оборудование, в создании которого принимали участие многие научные учреждения. Работники Наркомпищепрома изготавливали для зимовщиков особого сорта продукты. Во всем видны старательная заботливость, любовное внимание к героическим зимовщикам на Северном полюсе.

Они знают, что в любой момент люди социалистической страны протянут им братскую руку помощи. Они чувствуют, что партия и правительство, любимый миллионами вождь народов Сталин согревают их своей теплотой, заботливостью. Радиограмма руководителей партии и правительства, адресованная начальнику экспедиции т. Шмидту, командиру летного отряда т. Водопьянову и всем участникам исторической экспедиции на Северный полюс, внушает участникам ее бодрость, уверенность в разрешении труднейшей задачи.

«Мы уверены, — говорится в этой радиограмме, — что героические зимовщики, остающиеся на Северном полюсе, с честью выполнят порученную им задачу по изучению Северного полюса. Большевистский привет завоевателям Северного полюса!»

Все участники экспедиции на Северный полюс рассматривают сталинское задание как дело величайшей чести, исключительного доверия, которое оказывает им страна, большевистская партия.

Вот почему в радиограмме зимовщиков, отправленной на Большую землю с Северного полюса, мы читаем: «Мы счастливы, что наша могучая родина доверила нам осуществление мечты человечества, сделаем все, чтобы советская наука получила максимально ценные, полные материалы».

Социализм — эта многовековая мечта человечества о справедливом общественном строе — нашла себе конкретное и реальное воплощение на одной шестой мира, в СССР.

Социалистическая страна, живущая на основе самой демократической в мире Сталинской Конституции, дает возможность каждому трудящемуся развертывать все свои силы, все свои способности. Безмерна любовь к своей социалистической родине у каждого из ее сынов.

Эта великая любовь руководила отважными бойцами Арктики в их героическом подвиге. Она вдохновляет миллионы советских граждан— стахановцев заводов и колхозных полей, бойцов-пограничников, ученых и художников, инженеров и летчиков в их борьбе за дальнейшее процветание родины, за рост ее могущества. Советский патриотизм об'единяет социалистический народ в монолитном единстве вокруг нашей партии. И горе тем, кто посмеет поднять руку на этот народ.

Враги социализма, фашисты, засылающие к нам в тыл шпионов и диверсантов, троцкистские и иные двурушники будут раздавлены и разгромлены так же, как мы громили белогвардейские армии отечественного и иностранного происхождения в годы гражданской войны. Ибо нет такой силы, которая могла бы противостоять могучей воле миллионов советских патриотов, вписывающих все новые замечательные страницы в историю социалистических побед.

Начальник группы зимовщиков на полюсе т. И. Папанин, начальник экспедиции на полюс т. О. Шмидт и командир флагманского корабля «СССР Н-170» герой Советского Союза т. М. Водопьянов на Центральном московском аэродроме перед отлетом.

Фото Б. Фишмана (Союзфото).

Начальнику экспедиции на Северный полюс товарищу О. Ю. ШМИДТУ

Командиру летного отряда товарищу М. В. ВОДОПЬЯНОВУ

Всем участникам экспедиции на Северный полюс

Партия и правительство горячо приветствуют славных участников полярной экспедиции на Северный полюс и поздравляют их с выполнением намеченной задачи — завоевания Северного полюса.

Эта победа Советской авиации и науки подводит итог блестящему периоду работы по освоению Арктики и северных путей, столь необходимых для Советского Союза.

Первый этап пройден, преодолены величайшие трудности. Мы уверены, что героические зимовщики, остающиеся на Северном полюсе, с честью выполнят порученную им задачу по изучению Северного полюса.

Большевистский привет отважным завоевателям Северного полюса!

И. СТАЛИН	В. ЧУБАРЬ	А. ЖДАНОВ
В. МОЛОТОВ	А. МИКОЯН	Н. ЕЖОВ
К. ВОРОШИЛОВ	А. АНДРЕЕВ	М. РУХИМОВИЧ
Л. КАГАНОВИЧ	С. КОСИОР	В. МЕЖЛАУК
М. КАЛИНИН		

Москва

Т. т. Сталину, Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Калинину, Чубарю, Микояну, Андрееву, Косиору, Жданову, Ежову, Рухимовичу, Межлауку

С Северного полюса

С непередаваемыми радостью и гордостью выслушали мы слова приветствия руководителей партии и правительства. Это гордость советских людей за свою изумительную страну, за свои великолепные самолеты, за невиданные условия расцвета науки и роста людей. Вы назвали создание станции на полюсе «подведением итога блестящему периоду работы». Это советский период исследования и освоения Арктики, это тот период, когда Вы лично, товарищ Сталин, выдвинули задачу освоения Севера, когда Вы лично указали план и средства и неизменно продолжаете поддерживать полярников руководством и вниманием. Нет большего счастья, чем быть в своей области исполнителем Ваших великих идей, нет большей радости и гордости, чем получить Ваше одобрение, наш дорогой вождь и учитель.

ШМИДТ.
ВОДОПЬЯНОВ.
ПАПАНИН.

Отто Юльевич Шмидт

Вот уже восемь лет, как Шмидт об'явил войну льдам Арктики. Пядь за пядью, остров за островом, море за морем отвоевывает он у стихии, покоряет их воле человека и ставит на службу нуждам родины.

В 1929 г. Отто Юльевич едет на землю Франца-Иосифа и закрепляет за Советским Союзом 102 острова. В 1930 г. он оставляет на Северной земле первую партию зимовщиков во главе с Г. А. Ушаковым.

В 1932 г. впервые на «Сибирякове» проходит Ледовитый океан в одну навигацию. В 1933 г. мужественно руководит отважными «челюскинцами» и после гибели корабля организует легендарный лагерь на льдине, где люди Страны советов показали чудеса храбрости и организованности.

Отвага Отто Юльевича — выражение глубокой уверенности в большой важности производимой им работы, горячего интереса и любви к своему делу, выражение радости познания сил стихии и покорения ее человеку, а главное—выражения безграничного доверия силам своей партии, силам своей страны.

В своем поступательном движении вглубь Арктики Шмидт шагает уверенно, глубоко продумав тактику и стратегию боя.

Правда, Арктика мстит за себя. Глубокими морщинами избороздила она лицо своего победителя, суровее стал голос, посеребрилась борода.

Уже давно неугомонная мысль Шмидта стремилась на Северный полюс. Давно обдумывал он этот новый, решающий в деле освоения Арктики поход. И вот товарищ Сталин одобрил план экспедиции.

Задание товарища Сталина выполнено. Полюс завоеван. Казалось бы, можно и отдохнуть. Но те, кто знают Шмидта, не сомневаются ни минуты, что в тот миг, когда самолет благополучно сел на дрейфующую льдину и Отто Юльевич получил возможность доложить партии и правительству о выполнении первой части задания, в его голове стали возникать планы новых завоеваний, новых открытий, новых побед.

О. ГУР

Блестящий успех постановки «Фархад и Ширин»

На спектакле присутствовали товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Чубарь, Микоян, Антипов, Межлаук, Акулов, Икрамов и Керженцев.

Вторая постановка Узбекского Государственного музыкального театра — «Фархад и Ширин», показанная 23 мая на сцене филиала Государственного Академического Большого театра Союза ССР, имела блестящий успех у зрителей.

Музыкальная пьеса Хушида «Фархад и Ширин» написана по одноименной поэме Наваи, созданной этим крупнейшим поэтом и ученым Средней Азии XV века на основе эпической народной легенды о юноше и девушке, любивших друг друга, мечтавших о счастье и погибших в неравной борьбе со злыми силами.

Большой интерес вызвала музыка спектакля, построенная на народных и классических мелодиях, обработанных и гармонизированных композитором проф. В. А. Успенским. Он прекрасно использовал музыкальный фольклор, сохранив все своеобразие узбекской народной песни.

Знакомая москвичам по первому спектаклю «Гюльсара» заслуженная артистка Узбекской ССР Халима Насырова в этой постановке очаровала зрителей простым, задушевным исполнением роли принцессы Ширин, нежной и смеющейся, решительной и непоколебимой. Правдивые запоминающиеся сценические образы создали народный артист Узбекской ССР Кари-Якубов (шах Ирана Хсров), талантливая артистка Лютфи Сарымсакова (старуха Ясуман) и артист Бабарахим Мирзаев (принц Фархад).

Сочетание превосходной актерской игры, народной музыки, танцев и красочного оформления постановки создало незабываемый яркий спектакль. Рукоплескания неоднократно сопровождали напряженные моменты действия. Присутствовавшие на спектакле товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Чубарь, Микоян, Антипов, Межлаук, Акулов, Икрамов и Керженцев горячо аплодировали артистам вместе со всеми зрителями, среди которых находились виднейшие мастера искусств столицы.

Одним из самых ярких эпизодов спектакля явились танцы народной артистки Узбекской ССР Тамары Ханум, обладающей огромным мастерством, непринужденной и легкой техникой. Большое впечатление произвели также выступления ансамбля женского балета в первой картине (китайский танец) и ансамбля мужского балета, мастерски исполнившего в пятой картине воинственный танец «Пухтунов» с ятаганами.

Финальная сцена (смерть Ширин), с исключительным мастерством проведенная Халимой Насыровой, и танцы, повторенные по окончании спектакля по просьбе публики, вызвали в зале бурные рукоплескания. Зрители неоднократно вызывали участников спектакля, горячо аплодируя мастерам замечательного искусства узбекского народа. Шумные овации долго не стихали в зале. (ТАСС).

От сердец народов советских...

Пред лицом Водопьянова, Шмидта
В ледяном, безмолвном краю
Ныне держит ответ стихия
За былую дерзость свою.

У природы извечные тайны
Вырывают, упорны, крепки,
Исполина мудрого Сталина
Беззаветные ученики.

Пусть отныне нам служит стихия,
Как большой прирученный зверь,
Как по знаку нашему Волга
Шлет Москве свои воды теперь.

Правь уверенно, зоркий Папанин!
Шли нам, Кренкель, победный сигнал!
Революции огненный полюс
Вас на полюс ледовый послал.

От сердец народов советских
Столько нитей тянется к вам,
Что глазами сердца не полюс, —
СССР можно видеть там.

ЛАХУТИ

Перевод с фарси БАНУ

Большевистское знамя на Северном полюсе

Несколько столетий стремилось человечество овладеть Северным полюсом. Десятки экспедиций ряда стран, неоднократные их попытки по-настоящему изучить «белое пятно», достигнув Северного полюса по воде, воздуху и санно-пешим путем, неизменно оканчивались неудачами.

Да иначе и быть не могло в условиях капиталистической системы Старого и Нового света. Ибо основным мотивом этих экспедиций были не столько научно-исследовательские, сколько колониально-захватнические цели, погоня за барышами, за рекламой.

Как правило, эти экспедиции создавались за свой страх и риск, создавались, главным образом, на «щедрые» субсидии купцов и капиталистов.

Перед нашими полярниками стояла и стоит совсем иная задача — поставить всю Арктику на службу советской, а через нее и мировой науке, вовлечь весь Крайний Север в общее русло социалистического строительства.

За нашими плечами стоит не «купец-благотворитель», а весь советский народ, государство со своей могучей техникой и неиссякаемыми средствами.

В этом советском принципе и кроется ключ всех успехов, в том числе и сегодняшних завоеваний Северного полюса.

Не сразу сумели мы добиться этой замечательной победы. Мы не могли к этому вопросу подойти скоропалительно, «на ура», так как речь шла о чести советской страны, которая, если берется за дело, то безусловно доводит его до конца.

Больше года мы готовились к высадке на полюсе этой исторической зимовки на дрейфующей льдине. Как и в каждом деле, успех прежде всего решают люди, кадры.

Поэтому для исторической зимовки были отобраны лучшие из лучших: полярники тт. Кренкель, Федоров, Ширшов во главе с полярником-большевиком т. Папаниным.

Только советские полярники, воодушевленные великой коммунистической партией и правительством нашей великой родины и лично тт. Сталиным и Молотовым, утвердившими план исторической советской экспедиции к Северному полюсу, могли преодолеть столько труднейших преград.

Хочется здесь сказать несколько слов о той почетной роли, которая выпадает на долю советских писателей — прозаиков и поэтов. Наши советские писатели должны посвятить десятки своих книг замечательной экспедиции и зимовке полярников СССР на Северном полюсе.

Эта работа писателей несомненно потребует серьезного, вдумчивого и кропотливого творческого труда, тщательного собирания и изучения не только современных, но и исторических материалов.

Огромный интерес для наших писателей представляют люди — победители неизведанных районов Северного полюса. Этих людей должна знать не только наша страна, — их должен знать весь мир.

В художественных произведениях, которые будут созданы нашими писателями, во весь рост надо показать таких людей, как тт. Шмидт, Молоков, Водопьянов, Папанин, Кренкель, Ширшов, Федоров, летчики Бабушкин, Алексеев, Мазурук.

И это надо сделать хорошо, лучше, чем это сделали некоторые товарищи (Сельвинский, Семенов), попытавшиеся было дать такую литературу.

Наши издательства также должны уделить максимальное внимание произведениям на арктические темы. Книги о Крайнем Севере, об отважных полярниках, издаваемые массовыми тиражами, помогут нам воспитать достойную смену людям, побеждающим сейчас Арктику.

Советские писатели должны взять пример с участников нашей замечательной экспедиции, завоевавшей Северный полюс, и дать не только СССР, но и всему миру образцы подлинной реалистической литературы о великих победах социализма.

С. А. БЕРГАВИНОВ
Начальник Политуправления Главсевморпути

Группа зимовщиков на полюсе (слева направо): тт. Кренкель, Папанин, Федоров и Ширшов на Центральном аэродроме в Москве перед отлетом.

Фото В. Фишмана (Союзфото)

А. МАКАРЕНКО

В эти дни...

В такие дни, как сейчас, пересматривается человеческая история.

Великаны нашей страны там, в пустынном центре Арктики, продолжают ревизию привычных установок человечества и сообщают миру новые идеи.

Нельзя представить ничего более скромного, чем пришедшие к нам радиограммы О. Ю. Шмидта:

«Рады сообщить, что смогли выполнить задание товарища Сталина и создать на полюсе прочную базу для науки и авиации. Наши мысли с нашей великой родиной».

Здесь слово «полюс» мелькает между прочим, как будто это не заколдованная в студеных просторах недоступная цель вековых человеческих стремлений, а маленький городок где-нибудь на Волге.

Здесь говорится как будто только о «текущих делах»: получено задание и выполнено, создана не историческая победа, блещущая уверенным советским героизмом, а только «прочная база», как будто к неизмеримому числу наших «прочных баз» прибавилась только единица.

Но за этой скромностью весь мир видит величие Советского Союза, на фоне которого совершенно в новом свете выступает фигура человека.

В событиях, происходящих на Северном полюсе, наиболее поражает новое нравственное звучание человека.

Нельзя сейчас не вспомнить капитана Скотта, погибшего с товарищами на обратном пути с Южного полюса в марте 1912 года. Нельзя не преклониться перед его мужественным подвигом, нельзя не восхищаться этой большой человеческой личностью.

Но когда перечитываешь предсмертные записки и письма капитана Скотта, поражает одиночество, тоска, трагизм, фатально сопровождавшие героизм подобных людей.

Так становится ясно, что нравственная атмосфера капиталистического общества,— созданные веками традиции разобщения, конкуренции, наживы, спортивного ажиотажа,—уже не могла вместить одинокий героизм личности. Между этим героизмом и так называемым обществом всегда стоит «некто в цилиндре», и его присутствие отравляет человеческий подвиг прежде всего в самой центральной идее, в идее цели.

Здесь драма происходила не только в характере организации.

Экспедиция Скотта была прекрасно организована по тогдашнему времени, и все же величие его усилий заранее было опорочено ничтожным нравственным содержанием цели.

Поэтому так незаслуженно легко подвиг Скотта и его товарищей в их собственных глазах потерял всякую цену, когда они напали на Южном полюсе флаг Амундсена:

«Подошедши ближе, увидели, что это был черный флаг, привязанный к полозу саней, тут же близко остатки лагеря: следы саней и лыж, которые шли туда и обратно, выразительные следы собачьих лап, — многих собак. Вся история, как на ладони: норвежцы нас опередили и первые достигли полюса. Страшное разочарование, и мне больно за моих товарищей!.. Конец нашим мечтам, печальное будет возвращение!..

Мы поставили наш бедный, обманутый английский флаг.

И вот мы повернулись спиной к цели наших честолюбивых стремлений, и перед нами 800 миль неуклонного хождения с грузом. Прощайте, золотые мечты!»

Конечно, страшно жаль капитана Скотта, хочется сочувствовать его неудаче, но у советского человека это сочувствия уже не может быть. Мы уже привыкли к новым масштабам измерения удач и неудач.

Не только не сочувствуешь неудаче Скотта, но не радуешься и удаче Амундсена.

Скорее становится одинаково жаль и Скотта и Амундсена, и победителя и побежденного, потому что на первый план в наших впечатлениях выступает их героическое одиночество, эта страшная неуютность в положении человека в капиталистическом обществе.

Последние строки дневника Скотта и в особенности его письма еще более усиливают это впечатление неуютности и одиночества. Последняя строка дневника Скотта:

«Бога ради, не оставьте наших близких».

В письмах капитана Скотта, написанных над телами раньше его умерших товарищей, читаем:

В письме к Д. М. Барри:

«Умирая, прошу вас, дорогой мой друг, быть добрым к моей жене и к ребенку. Подайте мальчику помощь в жизни, если государство не захочет этого сделать».

В письме к вице-адмиралу Эджертону:

«Пожалуйста, позаботьтесь, чтобы мою вдову обеспечили, насколько это будет зависеть от морского ведомства».

В письме к Д. Д. Кинсей-Крайстчерч:

«Мысли мои о моей жене и сыне. Сделаете ли вы для них что сможете, если страна не сделает?

Если бы я знал, что жена и мальчик обеспечены, то не очень жалел бы, оставляя этот свет»...

В этих строчках важно не то, обеспечили или не обеспечили близких капитана Скотта.

Важно, что в моменты предсмертной тоски он должен рядом с уже умершими друзьями сидеть и писать просительные письма. У него нет ощущения единства с своим народом, нет уверенности в том, что он делает общее дело, за которое отвечает не только он, его жена и мальчик, но и все общество.

В этом именно моменте так ясен нравственный порок капиталистического общества. Сам Скотт в своем собственном подвиге не видит большего, чем пример «джентльменства» — жалкое утешение для героя, оказавшегося в момент своей трагической кончины в положении настойчивого просителя... и только.

И таким же одиноким остался бы капитан Скотт, если бы удалось ему возвратиться к жене, и таким же одиноким был он в каждый момент своего путешествия. Это фатально!

Почему так героически притягательны, так счастливы и так жизнерадостны наши герои? Почему в этой группе людей на Северном полюсе живут и строят «прочную базу» все люди нашей страны, и мысли наши с ними, как и мысли их с нами?

Почему в самой организации этого исторического похода, в каждом воздушном корабле, в каждом пищевом концентрате, в каждой подробности распоряжения и плана так много общественной и государственной заботы?

И почему, наконец, на Северном полюсе собрались не случайные «джентльмены» героического почина, а крепкий коллектив, связанный со всей страной многолетним напряженным опытом борьбы?

Ответы на все эти вопросы лежат в новой нравственности нового общества.

Потому что исчезли все проклятия капиталистической разобщенности, поедания человека человеком, потому что впервые в мире развевается над нами единый флаг человечества, потому что под этим флагом собрались новые, полной грудью вздохнувшие люди, люди нового подвига и новой человеческой этики.

Наша этика уже не несет в себе припадочной истерики выпячивания личности, в ней нет надрыва неуюта и одиночества.

К. ПАУСТОВСКИЙ

Борьба за будущее

Есть такая высокая степень мужества, что о ней почти нельзя говорить, — слова, самые простые и сильные, кажутся напыщенными и пустыми.

Таково мужество людей, оставшихся зимовать на Северном полюсе.

Плавучие льды будут их кружить — «вечать», как говорят поморы, вокруг полюса весь долгий год. Никто не может предугадать, что ждет этих четырех людей, окруженных полярным безмолвием, стальной чудовищной стужей, буранами и одиночеством.

Их мужество не бесцельно. Они высадились на полюс, чтобы изучить законы погоды, ибо погода рождается в Арктике.

Как резко переменились за годы революции наши понятия!

Загнанные в подполье идеи очистились, приобрели настоящий свой вес и остроту. Мелкие, но дутые истины, ложная мудрость — все это изгнано, осмеяно и перестало существовать в нашем сознании.

Двадцать лет назад мысли и разговоры о погоде считались уделом пошляков. Люди, оторванные от природы, от здорового труда, от земли, от рек, от лесов, издевались над теми, кто изучал погоду. Им не было дела до того, как растут хлеба, как цветет лен, какими путями идут в морских глубинах косяки рыбы.

Только знакомство с рыбаками, с земледельцами открывало глаза, и горожанин вдруг замечал, что от этой осмеянной им погоды зависит его жизнь, кусок хлеба, стакан вина.

Теперь мы знаем настоящую цену погоде, климату, всем силам природы, но мы изучаем их не для того, чтобы им подчиняться, а для того, чтобы их победить и создать ту погоду, которая нам нужна, и тот климат, который нам нужен.

Сейчас, когда четыре человека остались на полюсе, чтобы вырвать у Арктики разгадку изменений погоды, я невольно вспомнил о почти неизвестной, казавшейся десять лет назад еще фантастической теории капитана Гернета.

Капитан Гернет, старый моряк, командир красных флотилий во времена гражданской войны, написал книгу под названием «Ледяные лишаи». Эта книга была напечатана всего в количестве пятисот экземпляров.

Этот маленький тираж об'ясняется тем, что книга была написана и напечатана в Японии, где капитан Гернет был нашим советским морским представителем. Он набрал ее сам, так как не нашлось ни одного наборщика, знающего русский язык, отпечатал за свой счет и привез весь тираж в Советский Союз.

Человек величайшей скромности, Гернет почти никому не рассказывал о своей книге, — он роздал ее своим друзьям и нескольким метеорологам. Книга осталась неизвестной, а между тем изложенная в ней теория заслуживает величайшего внимания не только ученых, но всех, кому не безразлично будущее человечества.

Я не буду излагать эту теорию, так как это и сложно и требует много времени. Скажу лишь одно — капитан Гернет просто, точно и смело доказывает, что человек может путем уничтожения ледяного щита, покрывающего Гренландию, вернуть Европе, Северной Азии и полярным областям Северной Америки миоценовый климат — тот теплый субтропический климат эпохи миоцена, когда по берегам нынешнего Финского залива росли магнолии, Шпицберген покрывали девственные сосновые леса.

Никто из ученых не опроверг и не пытался опровергнуть теорию капитана Гернет. Ее попросту не знают. Один только Алексей Максимович узнав о теории Гернета и ознакомившись с ней, был ею глубоко заинтересован и хотел переиздать книгу Гернета массовым тиражем, но смерть помешала ему это сделать.

Сейчас об этой теории надо вспомнить. Наступило время, когда сбываются великие догадки когда-то безвестных мечтателей, людей, своей пытливостью и забвением собственных интересов украшающих нашу жизнь.

Триумф летчика Водопьянова

Под грозными ледовыми стенами загадочной и неприступной крепости Арктики, на мрачных подступах к Северному полюсу погибли многие славные и мужественные люди, поставившие жизнь свою на службу человечеству и науке.

Для достижения заветной цели мало было одного только бесстрашия, технического вооружения и непоколебимой веры в успех.

Великие советские полярники, завоевавшие для любимой своей родины Северный полюс, обладали не только всеми этими качествами, — они охвачены были духом советского патриотизма, огненной отвагой нового социалистического человека, соединяющего в себе силу ученого с беззаветной храбростью бойца.

Под напором железной воли сказочного отряда советских богатырей рухнули страшные ледяные форты легендарной арктической крепости, которая веками сопротивлялась человеку и уничтожала «безумцев», осмеливавшихся проникнуть в нее, чтобы открыть тайны неизведанного края земли.

В незабываемый для мировой истории день — 21 мая 1937 года— чудесные северные бойцы могучей нашей родины вручили счастливым и гордым одержанной победой соотечественникам ключи от белых ворот Северного полюса, покорно распахнувшихся перед посланцами Страны Советов.

Суровая природа дрогнула и сдалась большевикам.

На страницах истории важнейших научных открытий, среди имен тринадцати отважных партийных и непартийных большевиков, овладевших северной твердыней, особенно ярко будет гореть имя Героя Советского Союза летчика Водопьянова.

Мечта пилота, о которой он поведал в своих книгах, сбылась!

«21 мая, в 4 часа 52 минуты, самолет «СССР Н-170», пилотируемый Героем Советского Союза М. В. Водопьяновым, вылетел с острова Рудольфа, взяв курс на полюс. В 11 часов 35 минут тов. Водопьянов совершил блестящую посадку на лед в районе полюса» — сообщила радиограмма.

Долголетняя мечта Водопьянова превратилась в действительность. Сказка, с детства хранившаяся в сердце крестьянского сына из села Студенки, стала явью.

Михаил Водопьянов вспоминает в своей недавно вышедшей книге «От сохи к самолету» о печальном детстве своем и радуется счастью наших детей.

— Разве можно сравнивать мое детство, мою юность с детством и юностью нашей счастливой советской молодежи? Конечно, нельзя! Наша могучая партия, наша прекрасная родина уже воспитали миллионы и миллионы таких, как я, новых людей. Из миллионов деревенских парней и девушек сейчас выходят в совершенстве знающие дело летчики, прекрасные инженеры и научные работники, люди сотен и тысяч разных профессий.

Сегодня увлекательные рассказы Водопьянова привлекут внимание читателей всего мира. Пусть они узнают, как бедный тамбовский мальчик в условиях новой жизни в стране социализма смог стать первоклассным летчиком с мировой известностью.

— Мог ли я в проклятое царское время даже мечтать о том, что со временем я стану шофером, не только что летчиком?! — восклицает Водопьянов.

Для того, чтобы завоевать право на новую жизнь, Михаил Водопьянов ходил с винтовкой против Мамонтова и против Врангеля, одновременно сражаясь со своей неграмотностью.

В 1929 году крестьянский сын стал профессиональным летчиком. На Западе, в обстановке капиталистического бесправия, такие простые парни, как Михаил Водопьянов, в лучшем случае становятся «воздушными извозчиками».

В Советской стране таланты не пропадают. И Водопьянова немедленно после сдачи экзамена послали учиться в Москву, в Академию воздушного флота. Там будущий Герой Советского Союза освоил сложную науку аэронавигации, «без знания которой, — по словам Водопьянова, — грош цена летчику».

— Благодаря учебе в Академии,— пишет Водопьянов, — я за всю свою долгую летную работу ни разу не плутал.

Летные подвиги Михаила Водопьянова приобрели огромную популярность не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Кто не помнит дел Водопьянова в дни челюскинской эпопеи? Кто не помнит его смелого перелета Москва — мыс Шмидта и изумительного полета на Землю Франца Иосифа, когда он осваивал ныне пройденную им до конца труднейшую трассу на Северный полюс?

Все свои наблюдения, записи из дневника, живые рассказы он об'единил в книге «От сохи к самолету».

Свои книги — «Мечта пилота» и «От сохи к самолету» — Михаил Водопьянов издал отнюдь не с целью предложить читателю занимательное приключенческое чтиво. Они живо заинтересуют широкого читателя, но вместе с тем будут ценнейшим пособием для молодых пилотов, на увлекательных страницах которого они найдут ответы на множество интересующих их вопросов.

В полет на Северный полюс Михаила Водопьянова сопровождает его старый лучший друг, также бывший красноармеец, бортмеханик Бассейн.

Это Михаил Водопьянов заразил своего спутника неизлечимой «болезнью Севера».

— Тот, кому удалось побывать там, — пишет Водопьянов, — уже не может больше летать «от куста к кусту», на спокойных воздушных линиях европейской части СССР. Его непреодолимо тянет в необозримые снежные пространства Севера, в Арктику — к трудностям, к беспокойному полету в тех местах, где еще не ступала нога человека.

Много рассказывал Водопьянов своему другу Бассейну о несравнимой прелести полетов на Севере, и Бассейн пошел за ним по той же воздушной дороге.

Водопьянов немало полетал на Севере. Он проносился над тайгой Сибири, над горными кряжами Дальнего Востока, над снежными пустынями Чукотского моря.

Опыт полярных полетов скопился у него изрядный, и...

— Мне захотелось, — пишет Водопьянов, — воспользоваться им для того, чтобы слетать на самолете по новой, никем не проложенной воздушной трассе к Северному полюсу.

Не ради рекорда мечтал пилот о полете на полюс. У него было твердое намерение «отвезти в это самое загадочное место земного шара группу ученых, вместе с ними подрейфовать со льдами, изучить полюс основательно и с богатым материалом вернуться обратно». Захваченный своей мечтой, Водопьянов решил изучить все имеющиеся материалы исследований, проводившихся в разное время разными людьми в районе полюса.

— Я с головой ушел в эту работу и, забыв о своей книге, «зарылся» в книги других.

Он перечитал замечательные книги Фритиофа Нансена, Роальда Амундсена, записки Федора Литке и Эрика Норденшельда, Роберта Пири и адмирала Берда.

Из этих книг пилот убедился в одном:

— При современном развитии в нашей великой стране авиационной техники окончательная победа над Арктикой будет одержана только советскими людьми.

Именно эту свою непреклонную веру Водопьянов утверждает в своих книгах «Мечта пилота» и «От сохи к самолету».

Рукопись «Мечта пилота» он показал товарищам по работе и в первую очередь Отто Юльевичу Шмидту.

И стал ждать решения.

Проект Водопьянова был утвержден, и... сказка стала былью.

Перед читателями книг Михаила Водопьянова встает во весь свой огромный рост замечательный советский человек, творящий чудеса, благоговейный почитатель огромного наследства человеческой культуры и науки, овладевающий ее высотами, неутомимый и храбрый воин большевистского закала, верный и преданный сын нашей родины, умножающий славу ее человек сталинской эпохи.

С 21 мая 1937 года необитаемое пространство Северного полюса стало обитаемым.

И первые голоса, прозвучавшие там, были голоса советских людей, и первая песня, огласившая безмолвные в течение тысячелетий белые просторы, была песня советского народа, и первым знаменем, водруженным на той самой сказочной точке, где проходит ось земли, было и останется непобедимое знамя народов страны социализма.

Невозможное стало возможным!

В. НЕСЕМЕНОВ

МЕЧТА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА СТАЛА РЕАЛЬНОСТЬЮ

Восхищаюсь доблестью и высоким искусством полярных, если так можно выразиться — «настоящих полюсных» летчиков, преодолевших многочисленные и до сих пор никем не побежденные препятствия.

Я рад горячо приветствовать моих соратников по Арктике через «Литературную газету», которая, надеюсь, поможет воссоздать весь героизм эпопеи, призвав к этому лучших писателей нашей великой советской родины.

БОРИС ЧУХНОВСКИЙ

«Мечта» в Реалистическом театре

Утром газеты принесли волнующую весть о новом великом подвиге советских людей.

Северный полюс взят!

Бесстрашные сыны социалистической родины ворвались в «сердце Арктики», и это не эпизод, не случайность, а завершение грандиозного плана, построенного на началах большевистского разума, подсказанного неукротимым стремлением поставить прирору на службу человечеству.

Вечером того же дня мы видели на сцене Московского реалистического театра участников этой беспримерной эпопеи.

Веселые, жизнерадостные, мужественные люди взволнованно говорили о своей сокровеннейшей мечте, ставшей сегодня сверкающей действительностью. Автор пьесы Герой Советского Союза Водопьянов, он же автор проекта завоевания полюса с воздуха, он же выполнитель этого проекта, сумел просто, искренне, увлеченно рассказать о том, что стало целью его жизни, смыслом его существования.

Люди, показанные им, люди советской формации,—и в этом одно из неоспоримых достоинств пьесы. Мы ощущаем со всей очевидностью, что Бесфамильным, в котором легко угадываем самого Водопьянова, руководят не инстинкты честолюбца, не карьеристские расчеты, не спортивный азарт.

Есть только одна движущая сила в жизни этого сильного внука и сына землепашца, и эта сила — советский патриотизм.

Во имя социалистической родины, во имя интересов трудящихся Бесфамильный готов на подвиг, абсолютно немыслимый в обществе, где царит волчий закон частной собственности и конкуренции: он примиряется с мыслью, что его проект завоевания полюса, утвержденный правительством, будет осуществлен другим летчиком. Так надо, этого требуют сложившиеся обстоятельства.

Бесфамильный, конечно, не ангел. Он человек горячей крови, и первая реакция его на это сообщение выдает огромное волнение и боль, которую делит с ним и полюбивший его зритель.

Но этот естественный порыв быстро уступает место другим заботам.

Хорошо ли подготовился его «конкурент» Багиров? Справился ли он с почетной и ответственной задачей? Не осрамит ли он звание советского летчика?

Такова логика большевистских отношений, таковы этические нормы, становящиеся у нас бытовым явлением.

Обаяние пьесы в том, что Водопьянов не навязчив в своих выводах, в своей морали. Он не пишет иллюстраций к тезисам, он честно, правдиво обобщает опыт своих наблюдений, своей огромной работы, показывает хорошо ему знакомую действительность так, как он ее видит.

И этого достаточно для того, чтобы понять, в чем корни успеха таких мероприятий, на которые не могут отважиться страны капитализма.

— У нас никто не предоставлен самому себе, — говорит Водопьянов всем строем своей «Мечты», — нам неизвестно чувство одиночества, чувство униженности от сознания, что ты только инструмент в руках людей, одолеваемых лихорадкой наживы. Нет, с нами весь народ, с нами партия, с нами заботливый друг и учитель — Сталин. Мы живем одними идеалами, нас роднят одни мечты, ведет одна вера.

Водопьянов убедительно показывает, что в этой вере — наша сила, секрет неумирающей радости, молодости духа, непрекращающихся побед.

Горе тому, кто включается в наше дело, неся еще в себе груз индивидуалистических сил прошлого, внутренне не ощущая связи с коллективом, не веря всем существом в успех начинания. Его ждет поражение, крах, как это случилось и с Багировым, которому, в первую очередь, нужен личный успех, а не торжество общего дела. Побеждают только Бесфамильные, не умеющие отделять личное от общественного.

Было бы неверно и несправедливо утверждать, что успех «Мечты» это лишь успех материала, лежащего в основе пьесы, и тех реальных фактов, о которых сообщил в своей исторической радиограмме от 21 мая начальник экспедиции на Северный полюс т. Шмидт.

«Мечта» написана рукой одаренного человека. В пьесе есть занимательный сюжет, живой, лаконичный язык, подкупающий юмор, удачные ситуации, которым мог бы позавидовать и не один профессиональный драматург. Ряд образов — Бесфамильного, Бирюковой, няни, профессора и др. — выписан с большой теплотой, и артисты Абрикосов, Янукова, Мельникова и Голенков с творческой увлеченностью исполняют эти роли, доставляя зрителю много радостных минут.

Можно, нисколько не греша против истины, утверждать, что «Мечта» Водопьянова — одна из лучших пьес о людях советской авиации. Она чужда книжности и литературщины, которые так характерны для многих произведений, высиживаемых в тиши кабинетов после 2—3-месячной вылазки «в жизнь».

И зритель верит автору, верит, что его герои умеют не только мечтать, но и по-большевистски действовать, превращать мечты в великую реальность.

Об этом автор пьесы Водопьянов еще раз напомнил всему человечеству 21 мая, водрузив красный флаг своей социалистической родины на Северном полюсе.

Я. РОЩИН.

Наш полюс

Два месяца ежедневно, где бы я ни находился, разворачивая газетный лист, я в первую очередь смотрел, искал, нет ли уже телеграммы Шмидта и его товарищей с Северного полюса.

И все же, когда 22 мая, наконец, появилась эта долгожданная телеграмма, она произвела впечатление неожиданной сенсации и наполнила наши сердца радостью победы и гордостью за людей Советской страны...

Сразу же после прочтения телеграммы с нашего уже полюса миллионы читателей бросаются к телеграммам-сводкам с фронтов борьбы героического испанского народа... Нас восхищает беззаветная храбрость и прекрасные боевые качества республиканских летчиков.

Между этими двумя событиями есть огромная внутренняя связь... Каждая победа испанской республиканской авиации—это вклад в дело международного мира и удар по врагу человечества—фашизму.

Каждая новая победа нашей советской авиации также укрепляет дело мира, также наносит неизлечимые раны фашизму.

В эти дни, дни радостных побед советской авиации, там, далеко на Северном полюсе, наши товарищи наверно чувствуют, как мы, уверенные в их победе, волнуемся за них, любим и гордимся ими, думаем о них...

Как хочется и своей работой принести людям Советской страны радость творческой победы, человеческое волнение!

Как хочется, чтобы советская литература стала достойна тех великих дел, которые творятся в нашей стране!

ГЕННАДИЙ ФИШ

Эпопея бесстрашных

Нас глубоко обрадовал великий подвиг отважных советских полярников, завоевавших неприступный Северный полюс и водрузивших красный стяг нашей великой родины на «краю земли».

Завоевание Северного полюса еще раз показало всему миру мощь нашей советской техники и науки, удивительный рост родной авиации, мужество, отвагу и бесстрашие гордых соколов, преданность и любовь людей сталинской эпохи к своей родине.

Люди, впервые создавшие в ледяной пустыне крепкую базу научных исследований, люди, остающиеся зимовать на полюсе, являют пример огромной воли и любви к созидательной творческой работе, присущей советскому человеку.

Мечта лучших людей человечества осуществляется только в условиях советского строя.

Слава советским отважным полярникам!

Литературная делегация писателей и поэтов Узбекистана:

БЕРЕГИН, АЙДИН, АНКАБАЙ, АЙБЕК, УСМАН НАСИР, ЭЛЬБЕК, ГАЙРАТИ, КАХАРОВ, ЗИЯ САИД, ХАМИД АЛИМДЖАН, УЙГУН, ИСМАИЛОВ, ЯШИН, ФАТХУЛЛИН, САБИР АБДУЛЛА

ДЛЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ НЕТ ПРЕГРАД

Над полюсом развевается красное знамя!

При мысли об этом испытываешь чувство законной гордости за нашу страну, за наших людей, за непреклонность их воли, за сталинскую эпоху, воздухом которой дышишь и живешь.

Пройдет немного времени, и эти дни станут великой исторической датой, о которой будут писать книги, сочинять стихи, петь песни.

Но никогда и ни в чем они не будут похожи на жалобы исследователей-полярников в прошлом, на их разбитые мечты, на скорбные посмертные страницы Скотта.

Ибо теперь ясно всему миру, что для человека из Страны Советов в достижении цели нет и не будет преград.

МИХАИЛ ГОЛОДНЫЙ

Детям— о Севере

«ЛЬДЫ И ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА»

Профессор **П. Н. Каптерев** два с половиной года работал в районе вечной мерзлоты, в ледяных пещерах, на ледниках. Он занимался наблюдениями и исследованиями и ему удалось найти в районе вечной мерзлоты простейшие организмы, пролежавшие в анабиотическом состоянии около двух тысяч лет.

О своих наблюдениях и открытиях П. Н. Каптерев рассказал детям в книге «Льды и вечная мерзлота».

«ТРИ ДНЯ В ВОЗДУХЕ»

Так называется книга, которую **Герои Советского Союза В. Чкалов, Г. Байдуков и А. Беляков** написали для детей.

Авторы рассказывают о своем всемирно-историческом перелете, совершенном на самолете «АНТ-25».

Книга героев-летчиков будет богато иллюстрирована фотографиями из их собственных коллекций, а также рисунками художника А. Черномордика.

КНИГИ О ПОХОДАХ В АРКТИКУ

Детиздат ЦК ВЛКСМ подготовляет к печати книгу **Б. Громова «Поход «Сибирякова»** и книгу руководителя научной экспедиции на «Садко», профессора океанографии **Н. Зубова и А. Некрасова—«Ледовитый океан».**

Флагманский корабль «СССР Н-170» Героя Советского Союза М. Водопьянова на Московском аэродроме перед полетом.

Фото В. Фишмана (Союзфото)

1837 **ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ** 1937

I

Замечательный грузинский поэт, прозаик, редактор, публицист и общественный деятель Илья Чавчавадзе родился сто лет назад, в год гибели Пушкина, в княжеском кахетинском имении. Несмотря на свое аристократическое происхождение, став накануне отмены крепостного права студентом петербургского университета, он не примкнул к столичной «золотой молодежи».

Слушая лекции Кавелина, Костомарова, Пыпина и Стасюлевича, внимательно изучая статьи Белинского, Добролюбова и Чернышевского, Илья Чавчавадзе раз навсегда решил посвятить себя борьбе против социальной несправедливости и против великодержавного угнетения.

Начав в этот петербургский период своей жизни писать стихи и прозу, Чавчавадзе осознал необходимость пользоваться художественным словом, как мощным оружием в борьбе.

Он обладал большим лирическим дарованием и писал иногда прекрасные стихи о любви и о весне. Но его основное творческое внимание было уже и тогда обращено в сторону гражданской, политической поэзии.

Заодно с русскими шестидесятниками Илья Чавчавадзе стал открыто и последовательно отстаивать принцип тенденциозного искусства, необходимость подчинения художественного произведения руководящей идее.

Внимательно присматриваясь издалека ко всему, что происходило в Грузии, и наблюдая чудовищный великодержавный гнет, Чавчавадзе неустанно думал и о предстоящих столкновениях с грузинскими крепостниками и о борьбе за национальное возрождение своей многострадальной родины.

С такими мыслями и чувствами в 1861 году возвращался Илья Чавчавадзе в свою родную страну, принужденный оставить петербургский университет за участие в студенческих «беспорядках».

Что же увидел Илья Чавчавадзе, вернувшись в родную страну?

В середине XIX века грузинская действительность представляла собой самую безотрадную картину. Так называемое «добровольное» присоединение Грузии к России в 1801 году означало на самом деле колониальный захват страны, ослабленной нашествиями монголов, многовековыми войнами с иранцами и турками, а также междоусобными феодальными распрями.

Восстаний, отдельных попыток сбросить ненавистное ярмо русского самодержавия было очень много. Но все они беспощадно подавлялись военной силой.

В конце 20-х годов лучшие представители грузинского дворянства приняли участие в заговоре против русского владычества. Однако заговорщики не имели опоры в народных массах и действовали недостаточно организованно.

В 1832 году дворянский заговор был раскрыт, участников его сослали. И если после этих событий крестьянские волнения в Грузии продолжались, то грузинское дворянство, за редким исключением, покорилось силе николаевских штыков и пошло на службу к русским захватчикам, добывая себе чины и ордена.

Понятно, что представители этого поколения встретили Чавчавадзе крайне враждебно, всячески пытаясь его скомпрометировать. Но молодой писатель все с большим упорством и резкостью продолжал отстаивать свои политические убеждения.

Одно из своих стихотворений 1861 года Чавчавадзе закончил так:

Пусть говорят: «Он о грузинах
твердит худое,
Он не таит пороки наши, в нем
дышит злоба».
То шум невежд! И только сердце
поймет родное,
Что в злых словах таится любовь
до гроба.

(Пер. К. Липскерова).

Если Илья Чавчавадзе возбудил лютую ненависть «отцов», то все же он не остался в одиночестве. Напротив, он быстро привлек к себе группу молодых грузин, преимущественно из числа тех, кто учился в то время в русских университетах и усвоил хотя бы частично идеи русских разночинцев-демократов.

Уже в начале шестидесятых годов Илья Чавчавадзе оказал большое влияние на развитие грузинской литературно-общественной мысли. Он положил начало новой грузинской литературы, создавая произведения жизненные и реалистически-правдивые, освобожденные от архаических условностей языка.

II

Крепостное право было отменено в Грузии только в 1864 году, а в отдельных горных районах в 1869 году. Грузинские дворяне-крепостники мобилизовали перед этим все свои силы, чтобы отсрочить и урезать предстоящие куцые реформы. Одновременно реакционные элементы в Грузии делали неоднократные попытки националистически фальсифицировать историческое прошлое, изображая, вопреки всем об'ективным данным, взаимоотношения грузинских «отцов» — помещиков и «детей» — крестьян в идиллически-благодушных тонах.

Илья Чавчавадзе решительно восстал против этой фальсификации. В замечательных поэмах **«Разбойник Како»** и **«Призрак»**, в повестях **«Рассказ нищего»** и **«И это человек?»** он открыто выступил против крепостного права в Грузии, с огромной художественной силой и выразительностью обличая помещичий гнет в Грузии, жестокую эксплоатацию крестьян их господами.

В стихотворении **«Пахарь»** Илья Чавчавадзе смело сопоставлял участь крепостного крестьянина с судьбой под'яремного вола. Ярмом называет свою работу на господина крепостной крестьянин Габро из **«Рассказа нищего»**. Другой крестьянин Петре говорит в той же повести, изобличающей дикий произвол помещика: «Мы весь свой век гнем спины, как скотина какая-нибудь».

В своих произведениях Илья Чавчавадзе создал выразительные типы грузинских крепостников и наряду с ними — образы крестьян, стоящих на неизмеримо более высоком моральном уровне.

Сочувственно вспоминая об Арсене Одзелашвили — знаменитом вожаке крестьянских восстаний тридцатых годов, направленных не только против русских захватчиков, но и против своих грузинских угнетателей, Чавчавадзе мужественно и последовательно оправдывал т. н. абреков. Абречество он правильно расценивал не как разбойничество, а как социальное явление, порожденное прежде всего насилиями помещиков над крестьянами.

Утопические идеи Ильи Чавчавадзе, его расплывчатые представления о грядущем «царстве труда», конечно, ничего общего не имели с революционным марксизмом.

Выявляя противоречия социальных интересов Грузии, в зрелый период своего идейно-творческого развития он не только не призывал к классовой борьбе, но наоборот стремился примирить непримиримое. Однако, было бы грубой ошибкой определять Илью Чавчавадзе с его социальными утопиями лишь как проводника идеологии грузинского либерального дворянства.

Чавчавадзе как художник-реалист преодолевал свою классовую ограниченность. Его выступления, художественные образы, направленные против дворянства, наносили удары по феодализму.

В день падения Парижской коммуны 1871 года поэт написал стихи, проникнутые скорбью. А заканчивая поэму **«Призрак»**, он писал литератору Дмитрию Эристави (1847—1890): «Эта проклятая наша история... есть только история войн и царей, народа нигде не видно. Я же человек такого склада, что меня не привлекают образы царей и войн. Дело — в народе, а народ в нашей истории не виден».

В упомянутом выше раннем **«Рассказе нищего»** крепостной крестьянин совершенно отчетливо говорит о том, что «любовь между людьми высшего и низшего сословия—несбыточный сон», что «никогда нельзя между помещиком и рабом перекинуть мост любви». В очень живо написанных **«Сценах из времен освобождения крестьян»** выявляются острые противоречия классовых интересов в Грузии.

В значительно более поздней повести **«Вдова из дома Отарова»** (1887) в ряде ярких образов и эпизодов снова показана пропасть между помещиками и крестьянами в новых условиях — уже после отмены крепостного права.

Однако необходимо отметить, что противоречий у Ильи Чавчавадзе было немало. В тех же «Сценах» он старательно описал случаи взаимного понимания, проявленного помещиками и крестьянами. В качестве лучшего разрешения социальных конфликтов показано мирное соглашение между ними.

Правда, в повести «Вдова из дома Отарова» писатель заставляет одного из своих героев — дворянина Арчила — признаться, что мост между помещиками и крестьянами разрушен. Но все-таки он видит какую-то возможность в недалеком будущем восстановить «утраченную близость».

III

Все творчество и общественная деятельность Ильи Чавчавадзе были проникнуты глубокой и страстной любовью к родине. О судьбе Грузии он думал всегда, всячески стремясь приблизить «зарю» и добиться мощного национального под'ема. В стихотворении **«Весна»** он обращался к Грузии:

В цвету сбегают пажити
К потокам светлоструйным.
О, родина! Когда же ты
Цветеньем вспыхнешь буйным?

(Пер. В. Державина).

В уста проводника-мохевца из **«Рассказа проезжего»**[1] И. Чавчавадзе вложил свои сетования на то, что Грузия порабощена царской Россией: «Где народный дух, его единство? Мы под русскими! Ныне все к худу, все упразднили».

Этот горец-мохевец, за которым скрывался сам автор, идеализирует дальше прошлое Грузии, утверждая, что грузинские цари якобы берегли «свободу» народа. Хотя писатель и заявлял, что не интересуется историей войн и царей, он во многом противоречил самому себе и в этом отношении.

Вся поэма **«Дмитрий-самопожертвователь»** посвящена тому, как грузинский царь добровольно обрекает себя на мучения врагов и на казнь во имя спасения родины.

Рассказ **«Никопоз Госташабишвили»** романтизирует феодально-дворянское прошлое Грузии. В нем показано только рыцарское благородство, великодушие врагов-героев.

Поэма **«Призрак»** при всей ее социальной заостренности тоже окрашена националистически.

Однако, следует рассмотреть существо национализма Чавчавадзе. Возвеличивая прошлое Грузии, грузинский писатель преследовал практическую цель — поднять национальное самосознание грузинского народа. Беспредметные вздохи вовсе не были свойственны Илье Чавчавадзе. В мрачных условиях русского самодержавия он стремился активизировать своих соотечественников и призывал их очнуться, поверить в свои силы.

Характерно обращение Ильи Чавчавадзе к Луарсабу Таткаридзе из повести **«И это человек?»**: «Напрасно вздыхаешь ты о минувших временах. Ты ведь даже не знаешь, что было завидного в старину. Разве нынче перевелись кони? Разве ружье не бьет и нынче в цель? Мало разве на свете осталось сильных рук? Все это водится и нынче, да нет того сердца, нет той пылкости сердца, той самоотверженной преданности родине, которые и доброго коня и доброе ружье направили бы на доброе дело».

Предсказывая «криком своим зарю», писатель не был в состоянии уверенно определить время наступления национального расцвета в Грузии. Но в знаменитом стихотворении **«Базалетское озеро»** он снова выразил свои заветные чаяния грузинского патриота и надежду, что задремавший «с незапамятных лет» чудный ребенок (символизирующий национальное сознание Грузии) будет найден и пробужден.

Мы знаем, что Илья Чавчавадзе не был революционером. Не на революционную борьбу звал он грузинский народ. На рубеже XIX и XX столетий, когда в Грузии уже окреп революционный пролетариат, руководимый большевистской партией, чавчавадзевский радикализм в значительной мере утратил свое боевое значение. Но тем не менее, имя писателя-общественника Ильи Чавчавадзе, возглавлявшего на протяжении десятилетий национально-освободительное движение, стало популярным в Грузии, дорогим читателям всего Советского Союза.

Только в наше время, когда на основе ленинско-сталинской национальной политики дружба народов сменила вековую вражду, литературное наследие Ильи Чавчавадзе, не умещающееся в двенадцати томах, стало предметом изучения далеко за пределами его родной страны.

ВИКТОР ГОЛЬЦЕВ.

[1] Царская цензура долго не пропускала этот очерк. Он был опубликован лишь в 1871 году с большими урезками.

ВЕСНА

Лес щебечет кротко,
Говоря: живи!
И лоза-сиротка
Плачет от любви.

В поле и на кряже
Расцвели цветы...
Родина, когда же
Расцветешь и ты?

28 января 1861 г.
Петербург

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

Перевел с грузинского БОРИС БРИК

Столетие со дня рождения Чавчавадзе

29 мая грузинский народ празднует столетие со дня рождения своего великого соплеменника, писателя, поэта, крупного общественного деятеля, создателя современного грузинского языка — **И. Чавчавадзе.**

Юбилейные дни в Тбилиси начнутся 29 мая — торжественным вечером в оперном ордена Ленина театре.

★

В республике, во всех ее городах и селениях широко подготовились к юбилею.

В селах, на заводах, в учебных и научных учреждениях организуются вечера, беседы, выставки, посвященные жизни и творчеству грузинского классика.

Большой вечер памяти Ильи Чавчавадзе состоялся на родине поэта — в селении Кварели.

★

Союз писателей Грузии провел деятельную подготовку к юбилейным дням.

Для устройства вечеров и бесед правление ССП командировало в районы специальные бригады.

В юбилейные дни открывается **пленум правления ССП Грузии**, посвященный Чавчавадзе.

★

Над картинами, изображающими отдельные моменты жизни и творчества великого писателя, работают грузинские художники.

На одной из картин будет изображена встреча И. Чавчавадзе с разбойником в Кахетии.

Как известно, эта встреча послужила писателю темой для поэмы «Разбойник Како».

Автограф стихотворения И. Чавчавадзе **«23 мая 1871 года», посвященного Парижской коммуне.**

Советская книга на Парижской выставке

Советский павильон на международной выставке «Искусство и техника в современной жизни», открывшейся в Париже 24 мая, отражает величайшие завоевания, достигнутые народами СССР за 20 лет существования советской власти.

Тысячи экспонатов, собранные со всех концов необ'ятного Союза, служат яркой демонстрацией индустриальной мощи, прогресса советской техники, расцвета культуры и искусства в Стране Советов.

С достижениями в области печати и издательского дела, с художественной русской литературой и литературами многочисленных народов СССР посетителей выставки знакомит второй зал советского павильона.

В нем собраны лучшие образцы книжной продукции советской полиграфии — книги, газеты, журналы. Здесь в наглядной и убедительной форме — языком фактов и цифр — рассказано, как чтут и изучают народы Советского Союза великое классическое наследство, как создают свою культуру и литературу ранее угнетенные национальности, еще недавно не имевшие собственной письменности, как растут талантливые писатели и поэты в самых далеких окраинах советской страны.

Произведения классиков марксизма — Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина распространены в Советском Союзе в огромных тиражах.

Первый стэнд выставки отведен показу собраний сочинений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, изданных на всех языках народов СССР. Стэнд украшен барельефом учителей международного пролетариата.

У входа в зал встречает посетителей огромная карта СССР, на которой цифрами показано мощное развитие печати. Приведены тиражи газет, издающихся в Советском Союзе на языках его народностей, и для сравнения даны тиражи газет в царской России.

1913 год — 859 газет с тиражом **2.700 тысяч** экземпляров.

1936 год — 9.250 газет с тиражом **38 миллионов** экземпляров.

На больших фото-панно показано развитие рабселькоровского движения в СССР.

Особое внимание посетителей привлекает стэнд классической литературы.

Бессмертные произведения великих мастеров слова расположены вокруг книг родоначальника новой русской литературы, гениального поэта А. С. Пушкина.

Книги Пушкина, многочисленные труды о его творчестве, изданные в СССР, показывают, как бережно чтут память и как настойчиво изучают творчество великого поэта все народы Советского Союза.

Здесь представлены тщательно и любовно изданные книги Пушкина на тюркском, грузинском, марийском, карельском, казахском, узбекском, армянском, осетинском, калмыцком, украинском и других языках народов Советского Союза.

Две цифры убедительнее слов говорят о могучем культурном росте масс, о том, как осваивают они великое классическое наследство: в царской России **за 18 лет**, предшествовавших революции, было издано **9 миллионов** экземпляров произведений Пушкина, а в Советском Союзе только **за один 1936 год** издано свыше **12 миллионов** экземпляров пушкинских книг на всех языках народов Союза!

★

Отдельные стэнды посвящены русской и иностранной переводной художественной классике и классике народов Союза.

Над стэндами иностранной классики — надпись:

«Трудящиеся Советского Союза жадно впитывают все богатства мировой классической литературы. Стендаль и Гете, Шекспир и Бальзак, Гейне и Байрон стали любимыми писателями рабочих и колхозников. Их произведения берутся нарасхват в народных библиотеках».

Лучшие книги иностранных классиков, вышедшие в изданиях Гослитиздата, Академии наук, «Academia», «Молодой гвардии» и других издательств, наглядно показывают, какой огромный интерес проявляют трудящиеся Советского Союза к произведениям великих мастеров культуры прошлого.

Над стэндом классической литературы народов СССР — барельефы Пушкина, Шевченко и Шота Руставели.

★

Стэнд советской художественной литературы демонстрирует лучшие произведения современных советских писателей.

Центральное место занимает Горький: его произведения и книги о нем на русском языке и на языках национальностей Советского Союза, его рукописи, переписка с Лениным. Здесь же выставлены большие фотопанно — «Горький и Сталин», «Горький и Ромэн Роллан».

Вокруг горьковского стэнда сгруппированы лучшие книги советской художественной литературы на всех языках.

Значительное место уделено В. Маяковскому. Приведены высказывания Ленина и Сталина о Маяковском, показаны образцы его рукописей и строфы из переводов Маяковского на французский язык, сделанных известным французским поэтом Луи Арагоном.

Здесь же на разных языках лучшие издания книг советских писателей — Алексея Толстого, Михаила Шолохова, А. Фадеева, А. Серафимовича, П. Павленко, А. Новикова-Прибоя и многих других.

Богато представлены книги поэтов-орденоносцев национальных республик и сборники народного творчества Туркменистана, Дагестана, Калмыкии и т. д.

На стэнде советской детской литературы выставлены наиболее любимые маленькими читателями книги классиков: А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, М. Ю. Лермонтова и других, а также книги наиболее популярных детских советских писателей — К. Чуковского, С. Маршака, М. Пришвина, Л. Квитко, М. Ильина, Льва Кассиля и многих других.

★

Все многообразие и богатство советской книжной продукции и колоссальный интерес к художественной книге, проявляемый многомиллионными читателями Страны Советов, выражены в цифрах, которые запомнятся каждым посетителем советского павильона на выставке в Париже.

В одном только 1936 году в СССР на языках народов издано **90 миллионов** экземпляров книг художественной литературы.

Всех книг издано в 1936 году **43.348 тысяч** названий с тиражом **571 миллион** экземпляров.

МОСКВИЧ.

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

Как поступали или история Грузии в XIX столетии

Однажды я и дряхлый дед
Друг друга повстречали.
Как повелось с давнишних лет,
Зевнули мы вначале.

И я сказал: — О старине
Хоть что-нибудь поведай.
Чем послужили вы стране?
Какой горды победой?

Когда, надежда всех грузин,
Сомкнул Ираклий веки,
Когда достойный властелин
Ушел от нас навеки,
Как поступили в этот миг?
— Сказать, мой внучек напрямик:
Просили вновь опеки!

— Когда ж на трон отца взошел
Двенадцатый Георгий
И поколебленный престол
Забыли вы средь оргий,
Как поступили? — Словно тать,
Решился каждый взятки брать
В погибельном восторге.

— Когда ж царя вы извели,
Расставшись с прежней славой,
Забыв судьбу родной земли
И меч забросив ржавый,
Как поступали? — Как могли:
Стеная, ползали в пыли
Пред русскою державой.

— Когда ж несчастный властелин
Роздал свое именье,
Чтоб вас оружием лезгин
Спасти от пораженья,
Как поступали? — Да никак:
Носы упрятав под мутак
Храпело поколенье!

— Когда ж вздохнул и умер царь,
И сыновья, враждуя,
Казну, накопленную встарь,
Растратили впустую,
Как поступили вы затем?
— Мы изменили сразу всем,
Злорадно торжествуя!

— Когда ж пришла чужая рать
И край завоевала
И, словно мячиком, играть
Судьбою Картли[1] стала,
Как поступали? — В свой черед,
Врагам предав родной народ,
Дворянство в мяч играло.

— Когда ж дышать уже нельзя
Вам стало от насилья
И Картли новые «друзья»
Едва не удавили,
Как поступили в этот час?
— Тогда лишь поняли, что нас
В одном котле варили!

— Когда ж узнали, наконец,
Что жили вы бесчестно,
И обнажилась для сердец
Грехопаденья бездна,
Что вы придумали тогда?
— Пылая краскою стыда,
Шептались повсеместно.

— Когда же власти и закон
О замыслах узнали
И заговорщиков в загон,
Как баранту, загнали,
Как поступили в эти дни?
— На «преступления» родни
Наушничать мы стали.

— Когда ж доносами вполне
Себя вы обелили
И от заботы о стране
Сердца освободили,
Как поступали вы с тех пор?
— Забыв на радостях позор,
В вине мы честь топили.

— Когда ж в ответ на мотовство
Пришли дурные вести,
Что не осталось ничего:
Ни роскоши, ни чести,
Тогда что выдумали вы?
— У братьев начали, увы,
Оспаривать поместья!

— Когда ж в сутяжничестве том,
Как низкие злодеи,
Вы подожгли родимый дом
(Безумная затея!),
Как поступили вы потом?
— С тупым лицом перед огнем
Уселись, руки грея!

— Когда ж огонь — и тот погас,
И встала у могилы
Страна картвелов, из-за вас
Лишившаяся силы,
Как поступали? — Как-нибудь:
Усердно начали тянуть
Из крепостного жилы!

— Когда ж источник и такой
Иссякшим оказался,
И угнетенный крепостной
С неволей распрощался,
Тогда что сделал дворянин?
— О том не спрашивай, мой сын:
Скорбел и убивался!

— Когда же сетованья те
Крестьян не возвратили,
И годы к полной нищете
Дворянство приучили,
Что сделали? — Забыв свой ранг,
Изобрели какой-то банк,
Судили и рядили...

— Когда ж сказал один из вас:
«Бог не дал мне потомства:
На что ж мне банк?» — и банк
тотчас
Убило вероломство,
Как поступали? — День и ночь
Царя молили нам помочь
С муштрой свести знакомство!

— Когда ж.. — Но дедушка не
снес
Убийственной морали.
— Когда же кончится допрос?
Умолкнуть не пора ли?
Как поступали мы, дружок?
Как вы! — плевали в потолок
И стены подпирали!

24 августа 1871 г.

Перевел с грузинского БОРИС БРИК

Сатира на грузинское дворянство.

[1] Грузия.

ОБСУЖДАЕМ ПРОБЛЕМЫ ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКИ

О ПЛАНЕ ГОСЛИТИЗДАТА

Основа и все элементы третьей пятилетки заложены в величайших исторических победах двух предшествующих сталинских пятилеток, приведших к торжеству социализма в нашей стране.

Велик победный путь страны социализма и в области культуры, просвещения, искусства.

Пятилетка издания художественной литературы должна соответствовать этому росту культуры и росту запросов человека социалистического общества.

Вопрос не в поражающем изменении цифр, говорящих о росте тиражей и количестве потребной бумаги. Цифры даже в прошлом поразительны: за последние четыре года выпуск художественной литературы по одному Гослитиздату вырос по тиражу **в четыре раза**, а по листам бумаги — **в семь раз.** Это, конечно, тоже показатель культуры, роста читателя, роста духовных потребностей масс трудящихся.

Но главное в том, **что именно** спрашивает наш читатель?

Для того, чтобы удовлетворить качественный спрос нашего удивительного читателя, мы должны были бы дать такую программу, которая не укладывается ни в какие цифры.

Вопрос об овладении лучшим наследством русской и мировой литературы поставлен не тысячами, а миллионами читателей.

Стахановец-рабочий, передовой колхозник хочет не просто почитать «что-либо из классиков», он желает иметь полные собрания сочинений всех главнейших мастеров художественного слова. Поэтому, издав в 1936 году собрание сочинений А. С. Пушкина в 100 тысячах экземпляров, мы едва удовлетворили третью часть спроса, а, об'явив подписку на собрание сочинений Гоголя в 50 тысяч экземпляров, мы создали очереди в подписных конторах, причем спрос в четыре-пять раз превышал возможности его удовлетворения. Цифры спроса непрерывно растут.

Поэтому в плане третьей пятилетки надо предусмотреть издание собраний сочинений всех основных классиков русской и иностранной литературы. Эти издания должны быть культурно-высококачественны (нас правильно бранят за плохое издание Гоголя) и выходить комплектно — **всеми томами в короткие периоды.** Их тиражи нужно увеличить минимально **в два-три раза.**

Особенно остро стоит вопрос о массовой книге; Гослитиздат издает ежегодно 40—50 лучших произведений классиков и современных советских писателей тиражом 80—100 тысяч экземпляров, удовлетворяя не больше 25 процентов фактического спроса со стороны трудящихся масс. В то же время один Центросоюз в своей заявке на 1936 год для снабжения колхозной деревни потребовал у нас свыше 40 миллионов экземпляров доступных по цене книг.

Перед Гослитиздатом в третьей пятилетке стоит задача создания серий дешевой книги, охватывающих все лучшее в литературе, с годовым расширением ассортимента не менее, чем вдвое, и с увеличением тиражей **в 3—4 раза, т. е. с тиражами в 300—400 тысяч** экземпляров каждой книги. Только при этом условии голод на хорошую книгу будет несколько смягчен.

Массовые библиотечки должны включить в себя лучшие произведения русских, иностранных классиков и мастеров современной советской литературы. Это значит — давать не менее **100—150** названий в год. Произведения лучших писателей всех народов нашей страны должны войти в эти серии.

Гослитиздат должен включить в план третьей пятилетки издательства полные и многотомные собрания сочинений, а также однотомники избранных собраний сочинений — не менее **100** однотомников за пятилетку. Он должен обеспечить выпуск новых систематически подобранных библиотечек отдельных лучших произведений — не менее **900** названий за пятилетку.

Вот основной стержень будущих годовых планов, в которые войдут собрания сочинений и лучшие отдельные произведения Горького, Пушкина, Толстого, Гоголя, Лермонтова, Достоевского, Успенского, Тургенева, Щедрина, Чехова, Чернышевского, Белинского, Добролюбова, Флобера, Бальзака, Гюго, Гейне, Гете, Золя, Мопассана, Твена, Шекспира и т. д. Но это далеко не все.

Давно назрела потребность в особой библиотеке небольших, доступных критико-биографических книг о всех замечательных писателях прошлого и настоящего. Такую библиотеку необходимо издать.

Нужна также особая серия книг для учителя — основные произведения лучших мастеров художественного слова с комментариями, необходимыми для преподавания литературы. Издать эту серию обязывает нас постановление СНК РСФСР.

Крайне назрела потребность в издании серий книг по теории и истории литературы, включая и историю советской литературы, — это сотни книг великих классиков критики, это книги, которые должны отразить успехи марксизма-ленинизма в литературоведении. Гослитиздат должен создать это орудие овладения большевизмом в литературе.

Лучшие произведения советской прозы и поэзии уже теперь, при тиражах в 10 тысяч экземпляров, не доходят до широких кругов читателей. Поэтому средний тираж их должен быть поднят минимально до **20 тысяч** (не считая массовых тиражей лучших произведений).

Наконец, необходимо принять во внимание, что рост литературы народов РСФСР на национальных языках требует значительного повышения тиражей; то же и в области переводной литературы.

Таковы основные показатели третьей пятилетки Гослитиздата.

Осуществление этой пятилетки несколько будет задерживаться сравнительно медленным развитием бумажной промышленности.

Поэтому пятилетка художественной литературы может иметь два варианта: один — с ростом общей продукции к 1942 году приблизительно в 2½ раза, и другой — с ростом, более удовлетворяющим действительный, установленный нами спрос читателя, т. е. **в 4 раза.**

В итоге вопрос сводится к тому — достигнем ли мы ежегодного выпуска **100 миллионов книг** (один миллиард листов продукции) художественной литературы в 1942 году или в 1943—44 гг.

Но и то и другое — это грандиозный, захватывающий рост социалистической литературы, возможный только в стране сталинской Конституции.

Гослитиздат дал наметку этого роста и **ждет от читателей и писателей конкретных предложений, дополнений и коррективов к разрабатываемому им развернутому плану.**

Н. НАКОРЯКОВ

Декада узбекского искусства

АЙБЕК

Узбекские классики

Современная узбекская литература впитала в себя лучшие традиции русской и западноевропейской литературы. Но основной ее питательной базой является замечательное литературное наследство, оставленное выдающимися представителями узбекской классической литературы. Это литературное наследство имеет свои вековые традиции, огромную поэтическую культуру, накопленную многими столетиями.

История узбекской литературы своими истоками уходит в самые отдаленные времена. Уже в XII веке имелись художественные произведения, сохранившие свою ценность до наших дней.

Одним из первых представителей узбекской литературы является поэт-суффит **Хаджа-Ахмед Ясавы**, который пользовался широкой известностью не только в Узбекистане, но далеко за его пределами. Его творчество, отличавшееся большим мастерством, простотой художественной формы и языка, оставило значительный след в истории развития узбекской литературы.

Упадок литературного творчества и вообще всей узбекской культуры в результате монгольского нашествия в XIII в., причинившего огромный ущерб экономической жизни страны, сменился бурным расцветом литературы и других видов искусства в XV в. в эпоху тимуридов.

XV век является периодом расцвета светской поэзии, в которой нашли отражение взгляды и вкусы аристократических кругов. Эта утонченная поэзия впитала, если можно так выразиться, все соки того великолепного художественного творчества, которое было создано в Иране его крупнейшими поэтами — Фирдоуси, Хисрау, Низами, Джами.

В этот период появляются замечательные узбекские поэты: **Лутфи, Атаи, Наваи, Бабур**, поднявшие узбекскую литературу на новую высоту. В эту же эпоху, именуемую историками и литературоведами «золотым веком» узбекской литературы, происходит формирование литературного узбекского языка.

Крупнейшим поэтом XV в., подлинным классиком узбекской литературы является **Мир-Али-Шир Наваи.**

Занимая крупные государственные посты в царствование тимурида Султана Хуссейна, Наваи отдал всю жизнь поэзии и науке. Кроме тысяч газелей и больших эпических поэм, Наваи написал десятки произведений научно-исторического характера. Прекрасно образованный по тому времени человек, он занимался не только поэзией, но и другими видами искусства. Он изучал музыку, живопись, скульптуру, стремясь внести в них нечто новое.

Наваи сыграл в узбекской литературе исключительную роль тем, что поднял знамя борьбы за узбекский язык. До него узбекский язык считался нелитературным. Господствующие классы считали его «деревенским». Ученые и поэты писали на иранском языке. В придворных и аристократических кругах были в моде исключительно иранский язык и иранская поэзия.

Наваи, владевший прекрасно иранским языком, писавший на этом языке, считавшийся «двуязычным» поэтом, начал упорную борьбу за господство в узбекской литературе не иранского, а узбекского языка. Им был написан специальный труд, посвященный теоретическому обоснованию преимущества тюркских языков перед иранским.

В своем произведении **«Сравнение двух языков»** он выступил как ученый лингвист и на многих примерах доказал богатство своего родного языка. Он призывал поэтов и прозаиков писать только на родном языке, чтобы было понятно народу.

Наваи был одним из тех поэтов, творчество которых отличалось многообразием жанров, богатством сюжетов. Его сборник стихов **«Большой Диван»** содержит около 20.000 двустиший, его хамса («Пятерица») состоит из пяти поэм в 4000—5000 строк каждая. Особенно большую художественную ценность представляют его романическо-любовные поэмы «Фархад и Ширин», «Лейла и Маджнун» и «Бахрам-гор».

Эти поэмы своими корнями уходят в народное творчество. Наваи положил в основу своих произведений известные легенды, которые живут на Востоке с незапамятных времен. В них он всегда противопоставлял идею справедливости насилию и тирании. Он протестовал против произвола и угнетения народа «сильными мира сего». Он говорил, что корона и пышная жизнь дворцов созданы на крови и слезах народа.

В своих газелях Наваи — глубокий, яркий лирик, в них преобладают любовные мотивы. Эти газели исключительно музыкальны. Наваи придавал особое значение изяществу формы. Его стихи блещут неожиданными, своеобразными метафорами и сравнениями.

Непревзойденный мастер Наваи оказал огромное влияние на развитие всей узбекской литературы.

Он оказал, однако, влияние не только на узбекскую литературу. Влияние его творчества сказалось в определенный период и на литературе Азербайджана и Турции.

Трудящиеся массы Узбекистана, освобожденные от векового гнета ханов, феодалов, баев и получившие возможность приобщиться ко всем культурным ценностям, могут сейчас во всей полноте освоить то огромное литературное наследство, которое оставил великий поэт Наваи — один из крупнейших представителей классической узбекской литературы.

«Гюльсара»

Едва поднялся занавес, в зрительный зал хлынул горячий солнечный свет, зрителей ослепило разнообразие ярких красок, чудесное весеннее утро, пестрота нарядов, веселье праздника. Прекрасна земля узбекского народа.

Яшин Нугманов и Музаффар Мухаммедов посвятили свою пьесу одной из самых жгучих тем своей родины — борьбе за раскрепощение узбекской женщины.

«Гюльсара» — глубоко драматична по своему сюжету. Муж Гюльсары — Кадыр — легко уговаривает ее снять паранджу. Но именно с этого момента и возникает ожесточенная борьба старого и нового. Отец Гюльсары — Ибрагим, подталкиваемый муллой и богачом Бадальбаем, угрожает проклясть дочь и уводит ее от мужа к себе домой. Кадыр проникает тайком к тоскующей в заточении отцовского дома Гюльсаре, и она, нарушая запрет, уже готова бежать с ним. И тогда снова появляется Ибрагим. Ему удается обмануть собравшихся подруг Гюльсары и женоненавистника Ризван-халы, но, оставшись наедине с дочерью и женой, он снова требует повиновения, и, встретив решительный и смелый отказ Гюльсары, бросается на нее с ножом.

В схватке он убивает жену, ранит дочь. Дорогой ценой покупает Гюльсара свое право на жизнь. Но она пробудилась к жизни, и никто уже не заставит ее вновь подчиниться извечной рабской доле. Финал драмы превращается в народный праздник, в торжество освобождения узбекской женщины.

Несмотря на драматический характер пьесы, она до краев насыщена могучим оптимизмом освобожденного народа. Снятие паранджи — раскрепощение не только женщины, это — народное торжество, потому что рушатся путы старых предрассудков, верований, обычаев, зарождается новая жизнь, жизнь советская, социалистическая.

Успех показанного Государственным узбекским музыкальным театром спектакля определяется, однако, не только волнующей темой музыкальной драмы, реальное содержание которой есть в то же время символ освобождения народа в жестокой борьбе против классовых врагов — баев и мулл.

Успех «Гюльсары» определяется тем, что в создании спектакля об'единились разнообразные элементы народного творчества, которое легло в основу музыки, написанной народным артистом республики Р. М. Глиэром, в основу постановки и режиссуры (постановка М. Мухамедова, режиссура М. Карневой), в основу декораций и костюмов (художник Ш. Шарахимов), в основу актерской игры и танцев.

Заслуга всех, работавших над созданием спектакля, заключается в том, что они бережно отнеслись к сокровищам народного творчества, что в своей работе они стремились дать не восточную «экзотику», а воплотить дух и смысл народного искусства. Это удалось не в равной мере. Так, музыка Р. Глиэра временами чрезмерно «европеизирована» (особенно увертюра), да некоторые балетные сцены, особенно в заключительном празднике, именно балетны, а не танцевальны. Но и в музыке, и в танцах в большинстве эпизодов мы ни на минуту не теряем ощущения своеобразного неповторимого своеобразия именно узбекского, а не какого-либо иного искусства.

Исполнение роли Гюльсары Халимой Насыровой стоит на большой высоте. Прекрасный, чистый голос сочетается у нее с тонкой художественной игрой.

Лютфи-ханум Сарымсакова в роли матери Гюльсары достигает особой силы и выразительности в сцене смерти.

Игра ее захватывает зрителя своим трагизмом.

Хорошо исполнение трудной роли отца Гюльсары — Ибрагима артистом М. Хал-Мухаммедовым. Сложные переходы от трусости перед подругами Гюльсары к ярости фанатика, когда он остается наедине с женой и дочерью, превосходно им переданы.

Слабее сыграл Кадыра артист К. Закиров. Голос его звучит очень хорошо, но движения на сцене несколько связаны, жест однообразен, держится он несвободно.

Огромное впечатление производят танцы Мукаррамы Тургунбаевой и Розии Каримовой. Вся прелесть их в неуловимом многообразии ритмов, в исключительном своеобразии движений, в изумительной грации.

Постановка «Гюльсары» — еще одно доказательство замечательных творческих сил пробужденных к жизни братских народов Советского Союза.

Л. ФЕДОРОВ.

Пушкин на узбекском языке

Узбекская литература имеет свою историю, насчитывающую столетия. С давних времен она была связана с литературой арабских, иранских и индийских народов. Узбекские поэты перевели на родной язык самые значительные литературные памятники этих народов: «Шах-Намэ» Фирдоуси, «Рубаият» (четверостишия) Омар Хаяма, «Гулистан» Шейх-Саади, сказки «Чор дарвиша» (четыре дарвиша), «Тысячу и одну ночь», героический арабский эпос «Джанг Намэ», «Калила» и др.

Но узбекский народ почти не был знаком с европейской и русской литературой. До революции узбеки знали только «Робинзона Крузо» в искаженном и сокращенном переводе и отдельные религиозно-мистические рассказы Толстого, переведенные колонизатором—миссионером Остроумовым. Эти рассказы Остроумов читал в мечетях духовенству и знати.

Только после Октября для узбеков стало возможным ознакомление с лучшими образцами западноевропейской и русской литературы.

В течение последних лет узбекский театр с успехом ставил произведения Шекспира, Шиллера, Мольера, Лопе де-Вега и др. «Гамлет» Шекспира, «Коварство и любовь» Шиллера стали самыми любимыми спектаклями народа. На узбекский язык переведены отрывки из произведений **Беранже, Гюго, Гейне, Гете** и др.

Среди переводов очень большое место отведено русской литературе. Переведены почти все русские классики и много книг советских писателей. Узбекский народ имеет теперь возможность читать на родном языке произведения **Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Чехова, Тургенева, Щедрина, Некрасова, Максима Горького, Маяковского, Фадеева, Шолохова, Панферова, Серафимовича, Н. Островского, Неверова, Шагинян, Бедного** и очень много других.

«Мать», «Мои университеты», «Детство», «Дело Артамоновых», «Егор Булычев и другие» и большое количество рассказов Горького занимают почетное место в библиотеке узбекского читателя. На узбекский язык переведены и очень многие современные русские поэты.

Сейчас переводятся **Сервантес, Бальзак, Флобер, Ромэн Роллан, Грибоедов, Шекспир.** Переводится также заново непосредственно с арабского «Тысяча и одна ночь».

Среди переводов, сделанных за последние два года, произведения **А. С. Пушкина** занимают особое место. В связи с юбилеем великого поэта на узбекский язык переведены многие его произведения.

Все поэты и прозаики были привлечены к этой большой и почетной работе. Переведены: «Евгений Онегин» (перев. Айбека), «Борис Годунов» (перев. Чолпана), «Бахчисарайский фонтан» (перев. Усман Насира), «Кавказский пленник» и «Русалка» (перев. Хамид Алимджана), «Цыганы» (перев. Темир Фаттаха), большой сборник лирических стихов (переводы Шейх Заде и Миртемира), «Сказка о царе Салтане», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о золотом петушке» (перев. Эльбека), «Капитанская дочка» (перев. Кахара), «Станционный смотритель» (перев. Изат Султана), «Дубровский» (перев. Чолпана). Большая часть этих произведений вышла в свет.

Переводы пушкинских произведений стояли в центре внимания всей советской общественности Узбекистана. Они обсуждались на специальных конференциях, где давались оценки качества переводов. Эти конференции очень много дали всей писательской общественности Узбекистана.

Переводы произведений Пушкина, которые читаются в огромном количестве, — большое культурное событие для Узбекистана.

Переводы эти показали, что узбекский литературный язык настолько вырос, что на нем можно полноценно передать самые лучшие памятники мировой литературы.

Работа над произведениями Пушкина высоко подняла узбекскую советскую поэзию, но само собой понятно, что работа еще далеко не закончена. Это пока еще первые удачные шаги. Узбекские писатели продолжают свою работу над произведениями Пушкина. Лирика Пушкина переводится заново. Начиная с текущего года, Госиздат УзССР выпускает собрание сочинений Пушкина.

Пушкин на узбекском языке — яркое свидетельство того, что сбылись мечтания великого русского поэта. Эти мечты могли превратиться в действительность только в условиях правильного проведения ленинско-сталинской национальной политики.

ХАМИД АЛИМДЖАН.
УСМАН НАСИР.

Член узбекской литературной делегации поэт Гайрати

Вошел в литературу в 1921 году. Выпустил восемь книг стихотворений и четыре сборника рассказов. Большой популярностью пользуется его поэма, названная именем китайской девушки, — «Династа». В ней автор рисует жизнь обнищавшего крестьянства Кашгарии.

К двадцатилетию Великой Пролетарской Революции т. Гайрати заканчивает музыкальную пьесу «Кашгар кизи» («Девушка из Кашгарии») — на сюжет «Династы». Одновременно работает над поэмой «Нишандар Ата», в которой хочет показать передовых людей — орденоносцев Узбекистана.

— Перелет т. Водопьянова на Северный полюс,—сказал нам т. Гайрати, — глубоко взволновал меня. Я хочу написать поэму о Шмидте и Водопьянове, о храброй четверке, оставшейся зимовать среди вечных льдов, вдалеке от родины.

«Фархад и Ширин» в постановке Государственного музыкального театра им. Акмаль Икрамова (Узбекистан). «Палатка Хосрова».

Р. М. ГЛИЭР
Народный артист РСФСР и АзССР

Музыкальный гений узбекского народа

(МЫСЛИ ПО ПОВОДУ ДЕКАДЫ)

Мое знакомство с узбекской музыкой относится к 1926 году, когда группа узбекских артистов отправлялась на парижскую выставку демонстрировать свое национальное искусство. С тех пор неоднократно подтверждалось мое убеждение в исключительной одаренности этого народа как в музыкальном отношении, так и в других областях искусства.

Необычайная яркость красок, богатство и разнообразие, свойственные узбекской музыке, несомненно отразились на творчестве многих русских композиторов. Лично о себе могу сказать, что эпизоды, построенные на ударных инструментах, введенные в симфонические и оперные мои произведения, шли от узбекской музыки, от узбекских исполнителей.

Возможности развития узбекской музыки неисчерпаемы.

Основной чертой, характеризующей узбекскую музыку, является прежде всего ее ладовый народный характер. В пределах этой ладовости, однако, можно различить необычайное разнообразие: песни бухарские не похожи на ферганские; чисто узбекские, уйгурские имеют свои самостоятельные ладовые построения.

Своеобразные мелодические украшения, свойственные узбекской песне, делают ее весьма яркой, цветистой. Отсутствие полифонического начала в узбекской музыке возмещается мелодической изощренностью ее. Широкое мелодическое развитие заложено в самой природе народного напева.

Исключительное значение имеет в узбекской музыке ритм. Он столь же самодовлеющ, как и сама мелодия. И если, с одной стороны, пьесу можно построить на одной мелодии, то, с другой стороны (и это иллюстрирует декада узбекского искусства), можно построить музыкальную пьесу исключительно на одном ритме. Подтверждением могут служить сочинения известного бубниста **Уста-Алима**, выступавшего на лондонском фестивале, записанные на граммофонные пластинки.

Характерно для узбекских музыкантов их стремление к многозвучию в оркестре и в хоре. Это проявляется в желании иметь количественно большие составы. Но еще более интересно их стремление к полифоническому усложнению. Уже в настоящее время вопрос о двухголосном складе не существует, в дальнейшем речь будет итти о трех- и четырехголосном складе узбекской музыки.

К числу даровитых музыкантов следует отнести замечательного по своим способностям **Тохтасына Джалилова**, одного из лучших знатоков национальной музыки, в памяти которого хранится бесконечное количество узбекских классических и народных напевов, пока еще, к сожалению, не записанных полностью.

Свидетельством музыкальной одаренности узбекского народа является также наличие великолепного хора. Узбеки любят хоровое пение, и они стремятся усложнить его и приблизить к многоголосию.

Такие полифонические формы, как иммитация и канон, уже теперь легко ими преодолеваются и принимаются. Это свидетельствует о все более глубоком процессе усложнения узбекской музыки, процессе, идущем в интересах расцвета музыкальной культуры Узбекистана.

Узбекский народ ждет настоящих мастеров, которые могли бы создать высококачественные произведения, национальные по форме и социалистические по содержанию. В этом отношении весьма большие надежды подают молодые, уже выдвигающиеся на театральном фронте композиторы **Ашрафи, Садыков, Бурханов** и др.

Необходимость овладения средствами, которые дает изучение общей теории композиции, осознается ими в высшей степени. И недалеко то время, когда их таланты и композиторское мастерство созреют и будет положено начало новой узбекской школе музыкального искусства, как Глинкой в свое время было положено начало новой русской музыкальной культуры.

Узбекское музыкальное искусство прошло уже большой и значительный путь, оно имеет огромные достижения. Однако, говоря о путях его дальнейшего развития, следует коснуться ряда весьма важных принципиальных моментов.

Уровень композиторского мастерства, в особенности у композиторов оперных, должен быть высоким, и композитор, в особенности оперный, должен уметь музыкальными средствами раскрыть содержание избранного им сюжета.

Чем глубже и значительнее идея сюжета, тем больше должно быть у композитора средств для музыкального ее выполнения. Отсюда — необходимость изучить и овладеть современной техникой композиции. Отсюда — длительное и упорное совершенствование своего мастерства.

Вопрос о выборе оркестра национального или симфонического решен в том смысле, что для больших форм, какими являются опера и симфония, симфонический оркестр является незаменимым. Отсюда — необходимость основательного и упорного изучения основ инструментовки и оркестровки.

Перспективы развития национальной музыки огромны.

Надо возможно скорее заполнить имеющийся еще до сих пор пробел в изучении того богатого материала, который дает национальная музыка, используя эти материалы для создания больших, требуемых от нас эпохой произведений.

Собрать и изучить музыкальный фольклор Узбекистана — значит заложить фундамент новой школы узбекской музыки. Использовать этот материал для создания содержательных произведений — значит обогатить не только узбекскую музыку, но и дать новый толчок общему развитию мировой музыкальной культуры.

УМАРДЖАН ИСМАИЛОВ

Драматургия Узбекистана

Великая Пролетарская Революция освободила от рабства царизма, от гнета капиталистов и крупной буржуазии многочисленные народы нашей необ'ятной страны. Ранее угнетенные нации за два десятилетия создали свое замечательное, национальное по форме, социалистическое по содержанию искусство.

С каждым годом растет и крепнет молодая советская литература народов СССР.

Двадцать лет назад узбекский народ не знал, что такое театр. Маскарабазы (народные празднества), аскиябазы (состязание в острословии), саиль (ежегодный народный бал), канатоходцы и танцоры, певцы и акробаты, выступавшие на площадях и случайных подмостках, заменяли театр.

Первая узбекская пьеса появилась в 1914 году. Автор ее — **Бекбуди** — был носителем идей джадизма, идеологом торговой буржуазии, стремившейся долго и упорно к созданию своей интеллигенции. После великого октябрьского переворота джадиды не пошли с трудовой интеллигенцией, большинство из них выродилось в националистов и контрреволюционеров.

Тем не менее единственная одноактная пьеса Бекбуди «Отцеубийца» оказалась по тому времени слишком прогрессивной и была даже запрещена к исполнению.

Вслед за «Отцеубийцей» появилась вторая узбекская пьеса — комедия **Хамза Хакимзаде «Бай и его слуга»**, высмеивающая глупого господина, одураченного умным слугой.

Автор этой комедии был одновременно и любимым талантливейшим композитором и поэтом. Его мелодии и песни по сей день исполняются на сцене Узбекского государственного музыкального театра. Перешедший на сторону революции, **Хамза** много и продуктивно работал для советского театра Узбекистана. В двадцатых годах он трагически погиб на посту, став жертвой кулачества и духовенства. Имя его присвоено Узбекскому государственному академическому театру драмы.

★

Драматический театр и участвующий в декаде музыкальный театр им. Акмаль Икрамова во многом обязаны своим возникновением одному из лучших людей Узбекистана, народному артисту республики, режиссеру-орденоносцу **Уйгуру.** По его инициативе и под его руководством была создана первая драматическая труппа имени Карла Маркса, в годы гражданской войны раз'езжавшая и выступавшая на фронте перед бойцами.

Впоследствии эта труппа была командирована в Москву, где она окончила школу театра им. Вахтангова. По возвращении артистов в Ташкент был организован первый узбекский Государственный драматический театр, три года назад получивший звание академического.

Народный артист УзССР **Абрар Хидаятов**, заслуженные артисты **Ятим Бабаджанов, Махсума-ханум Кариева, Сара Ишантураева, Назрулаев, Миракилов**, а также выступающие в эти дни перед московским зрителем заслуженные артисты музыкального театра им. Икрамова — **Халима Насырова, Музаффар Мухаммедов** и другие вышли из артистического коллектива, созданного Уйгуром в первые дни революции.

★

Джадидская литература, развившаяся в предреволюционные годы, пыталась и после Октября пропагандировать свои националистические идеи.

В упорной борьбе с литераторами-националистами рождалась молодая советская драматургия, проникнутая идеями социализма.

Борьба с басмачеством, раскрепощение женщины, хлопковая независимость Узбекистана, разоблачение классового врага и вредителя — вот основные излюбленные темы молодой узбекской драматургии.

Один из лучших ее представителей **Яшин-Нугманов** — автор известных в Узбекистане пьес **«Два коммуниста», «Честь и любовь»** (из жизни колхозов) и прошедшей с большим успехом в Москве пьесы **«Гюльсара».**

Яшин уже десять лет продуктивно работает в области драматургии, создавая наряду с крупными произведениями и репертуар для театра малых форм.

Мы с интересом ждем от Яшина новой пьесы — об интернациональной солидарности, которую он готовит к двадцатилетию Великой Пролетарской Революции. Мне хочется особо отметить, что Яшин — один из немногих узбекских драматургов, органически связанных с театром. Этот контакт настолько плодотворно отражается на его творчестве, что литературные организации Узбекистана вошли с ходатайством об освобождении и других лучших наших драматургов от организационной работы, чтобы дать им возможность теснее связаться с театром.

Основное ядро наших драматургов составляют, кроме Яшина, — **Анкабай**, который пишет главным образом о батрачестве (пьеса **«Шадман»** и др.), **Фатхуллин** — автор пьесы, разоблачающей националистов,—**«Маска сорвана»** и недавно законченной пьесы из колхозной жизни, **Зия Саидов**, которому принадлежит пьеса **«История заговорила».**

Эта группа драматургов участвует в открытом правительственном конкурсе, для которого и я готовлю драматическое произведение в стихах.

В основу новой моей пьесы положена народная легенда о трех сыновьях, искавших счастья по белу свету и нашедших его в труде.

На узбекский язык переведены лучшие образцы русской и иностранной классической драматургии. На нашей сцене идут «Ревизор», «Женитьба», «Гроза», «Гамлет», «Коварство и любовь», «Овечий источник» и др. Переведены для узбекского театра и советские русские пьесы («Чапаев», «Мой друг», «Интервенция» и др.), оказавшие огромное влияние на драматургию Узбекистана и стимулировавшие ее рост.

★

В чем узкое место нашей драматургии? В том, что она до сих пор не выходила за пределы узбекской сцены. Ведь факт, что ни одна из пьес узбекских авторов не переведена на русский язык или на языки братских народов. В этом в большой степени виновна возглавлявшаяся до недавнего времени Киршоном секция драматургов ССП СССР, которая в течение нескольких лет игнорировала драматургию народов СССР и абсолютно ничего не делала для того, чтобы наши пьесы проникали на русскую сцену.

Недостаточное внимание уделяет нам и Всесоюзный комитет по делам искусств.

Нам думается, мы вправе требовать от него и от руководства ССП СССР, чтобы как можно скорее была налажена творческая связь между русскими и узбекскими драматургами.

Необходимо, чтобы переводы узбекских пьес на русский язык делались драматургами-переводчиками совместно с авторами пьес. Тогда не только облегчится труд переводчиков, но в процессе совместной работы значительно укрепится творческая связь между писателями братских республик.

✱

Решение ЦК партии от 23 апреля 1932 г. принесло громадную пользу литературе Узбекистана.

За последние пять лет наблюдается мощное развитие жанров, расширение тематики, повышение художественного уровня произведений.

Некоторые литераторы, молчавшие до исторического постановления ЦК ВКП(б), стали продуктивно работать.

За эти годы список наших писателей пополнился многими новыми именами молодых поэтов, прозаиков и драматургов, работающих над животрепещущими темами дня и создающих вещи серьезного художественно-политического значения.

Дружба народов

Спектакль узбекского музыкального театра «Гюльсара» воочию убедил нас, как много теряем мы, работники грузинской литературы и искусства, от того, что недостаточно знакомы с культурными завоеваниями узбекского народа.

Сближение наших работников с мастерами узбекской литературы и искусства обогатит грузинскую советскую культуру.

К сожалению, тесной творческой связи между нами пока еще нет, хотя отдельные грузинские писатели и стремятся воспеть героическую борьбу и жизнь узбекского народа.

Доказательством этого стремления является недавно вышедшая в Тбилиси поэма грузинского поэта К. Чичинадзе «Средняя Азия», которая в ближайшее время будет напечатана и на русском языке.

На состоявшемся в Москве вечере памяти грузинского классика И. Чавчавадзе узбекские писатели сообщили нам свое решение — перевести на узбекский язык бессмертную поэму Шота Руставели и издать «Антологию грузинской поэзии».

Одновременно они пред'явили счет грузинским писателям — сделать достоянием грузинского народа лучшие образцы узбекской литературы.

Грузинские писатели с радостью принимают этот вызов и с достоинством выполнят его.

Мы должны до конца осуществить в литературе великую идею сталинской дружбы народов.

Секретарь союза советских писателей Грузии
БЕСО ЖГЕНТИ

«Поэты Узбекистана»

В Узбекистане кроме узбеков живут таджики, уйгуры, дунганы, среднеазиатские евреи и другие народности. Свободно и радостно, общими усилиями народы Узбекистана создают свою счастливую, богатую жизнь, о которой раньше могли только мечтать.

Этот созидающий социалистический труд, это чувство братской солидарности нашли яркое отражение в выпускаемом Гослитиздатом сборнике «Поэты Узбекистана».

В сборнике представлены лучшие стихотворения поэтов всех национальностей, населяющих Узбекскую ССР.

Произведения их посвящены социалистическому строительству в Средней Азии, обороне советских границ, Красной армии, борьбе за хлопковую независимость. Вошли в сборник и произведения, рисующие тяжелое положение трудящихся до революции в бывшей царской колонии — Туркестане.

«Гюльсара» на еврейском языке

К двадцатой годовщине Великой Пролетарской Революции Еврейский театр в Бухаре готовит к постановке «Гюльсару» и пьесу молодого драматурга Гавриэля Самандарова «Курбани Давлат» («Жертвы капитализма»).

В президиуме ССП

На заседании президиума ССП 25 мая была заслушана информация Вс. Иванова и т. Оськина о работе Литфонда.

Президиум одобрил решение секретариата о роспуске прежнего правления Литфонда.

В состав нового правления президиум и актив выбрали К. Федина (председателем), И. Сельвинского, Н. Ляшко, Б. Левина, Н. Погодина, С. Годинера и Д. Оськина.

На собрании выступили Д. Мирский и К. Горбунов с об'яснениями об их связи с Авербахом и о той борьбе, которая велась авербаховцами против партийной линии в литературе.

С большим вниманием был выслушан доклад т. Ставского об итогах борьбы с авербаховщиной.

Подробный отчет—в следующем номере «Литературной газеты».

КИРШОН И КОРАБЕЛЬНИКОВ ИСКЛЮЧЕНЫ ИЗ ПАРТИИ

Состоявшееся 20 мая собрание партийной организации союза советских писателей обсудило решение парткома об исключении из рядов ВКП(б) ближайшего соратника троцкиста Авербаха — В. Киршона. Писатели-коммунисты единодушно одобрили постановление парткома.

На этом же собрании разбирался вопрос об участии Корабельникова в работе троцкистской авербаховской группы.

Как известно, партком ограничился в отношении Корабельникова строгим выговором с предупреждением. Это решение не удовлетворило собрание.

За активное участие в деятельности троцкистско-авербаховской группы, за связь с врагами родины Авербахом и Макарьевым партийная организация решила Корабельникова из партии исключить.

Искусство бухарских евреев Узбекистана

В декаде узбекского искусства в Москве участвуют представители бухарского еврейского гостеатра имени Файзулы Ходжаева — народные артисты Узбекской республики братья **Мулакандовы и Талмасов**, балетмейстер **Исахар Акимов** и солистка-танцовщица **Маргарита Акимова**.

Братья Мулакандовы — старейшие музыканты Узбекистана. Еще задолго до революции они выступали на вечерах местной знати и слыли лучшими исполнителями народных и классических мелодий на тамбуре, дутаре и дойре.

В дни декады братья Мулакандовы совместно с народным артистом Узбекской республики Талмасовым исполнят старинные народные песни Узбекистана.

Михаил Джурбаевич Талмасов пришел в Еврейский театр вместе с братьями Мулакандовыми. За его плечами большой театральный и педагогический опыт.

В начале 1936 г. Талмасову одновременно с братьями Мулакандовыми было присвоено правительством УзССР звание народного артиста республики.

Молодому талантливому балетмейстеру Исахару Акимову принадлежит много новых еврейских танцев. Он является учеником народной артистки республики Тамары-ханум.

Акимов выступит в Большом театре с самостоятельными балетными номерами в инсценировке «Колхозный той».

Артисты Бухарского еврейского государственного театра — народные артисты Узбекистана (слева направо); Михаил Мулакандов, Гавриил Мулакандов и Михаил Талмасов.

Фото В. Бабст.

«Повесть о товарище Кирове»

Книга эта хороший подарок юному читателю.

Написанная по рассказам людей, близко встречавшихся с С. М. Кировым, она представляет собой живую, увлекательную биографию великого пролетарского трибуна, павшего от предательской пули троцкистско-зиновьевского убийцы. Ценность книги в том, что авторы ее меньше всего **описывают** жизнь тов. Кирова, а преимущественно **показывают** разные ее этапы в эпизодах, взятых из действительности и изобилующих необычайно острыми и интересными ситуациями.

Бережный подбор этих эпизодов и тактичная «беллетризация» их дают нужные результаты. Киров возникает перед читателем как человек удивительного обаяния, как великий организатор, неутомимый пропагандист, пламенный большевик, целиком отдавший себя делу революционного пролетариата.

Перед нами проходит первый период этой бурной деятельности. Сергей Костриков — член Томского комитета партии. Он уже пользуется большим вниманием полиции. Всех поражает выдержка, удивительное самообладание молодого революционера.

Полны захватывающего интереса главы, посвященные организации подпольной типографии по проекту Кирова. Здесь герой повести выступает не только как блестящий конспиратор, но и как исключительно одаренный техник-изобретатель. Хорошо написана и глава о тюремном заключении Кирова.

Даже в тюрьме он совместно с тов. Шпилевым и Поповым ухитряется организовать тайную типографию и выпускать журнал, который регулярно передается на волю.

Но этим не ограничивалась деятельность Кирова в тюрьме. Он организовал здесь и кружок самообразования, помогал товарищам по камере изучать Маркса, овладевать немецким языком и т. д. Мало того, Киров руководил хоровой самодеятельностью, при чем стремился вовлечь в это дело обитателей и других камер. Но тут нужно было проявить большую изобретательность. Попробуй, в самом деле, дирижировать тюремным хором, когда все заключенные отделены друг от друга толстыми стенами. А петь — особенно в летние вечера — всем хочется, и петь не вразброд, а стройно, организованно.

И, как всегда, Киров находит выход из положения.

«Поставил лампу на стол, сам встал на табуретку между лампой и окном, и вот за окно на белую стену тюремной ограды упала огромная тень. Все тюремные окна выходили во двор, и тень Кострикова была видна из всех камер. Вот тень вскинула руки, и они застыли в неподвижности. Все притихли. Тень энергично взмахнула руками, и вся тюрьма разом и стройно запела «Вихри враждебные веют над нами». Песня переплеснулась за решетки камер и поплыла вдаль, в звездную ночь».

Так Киров всюду и всегда, с какими бы обстоятельствами ни приходилось ему соприкасаться, брал в свои руки инициативу, обнаруживал находчивость, находил верное решение вопроса, независимо от степени его сложности. Особенно полно развернулись эти свойства вождя и организатора в послеоктябрьский период.

Этому периоду посвящены две трети книги. Здесь в интересных, иногда малоизвестных эпизодах показана роль Кирова в организации единого революционного фронта против белого терского казачества, в примирении 28 народов Кавказа, живших доселе в атмосфере взаимной ненависти и грызни. Воскресают картины героической борьбы за Астрахань, Грозный, Баку и напряженных боев за восстановление нефтяных промыслов.

И, наконец, последний — ленинградский этап этой славной жизни, жизни цельной, вдохновенной, как бы из одного куска отлитой. Киров — в полном расцвете своих творческих сил. С неистовой страстностью борца, революционера и трезвой ясной мыслью государственного человека он осуществляет крупнейшие мероприятия, имеющие огромное значение для дела социализма, никогда не забывая и о «мелочах», из которых складываются многие крупные дела. Он вдохновляет людей на строительство таких грандиозных предприятий, как строительство Хибин. Он озабочен опытами по созданию искусственного каучука и тем обстоятельством, что в ассортименте образцового универмага нет одеколона. Он дерется за выполнение «Красным путиловцем» плана выпуска тракторов, налаживает добычу шунгита, борется за то, чтобы Ленинградская область выращивала картофель, и т. д. и т. п.

Все эти стороны деятельности С. М. Кирова показаны в увлекательной форме, с правильным упором на то, что самым ценным капиталом для Кирова всегда был человек; именно в человеке он видел решающую силу эпохи, ему отдавал все свое внимание.

Но есть в «Повести о товарище Кирове» и очень существенный недостаток, особенно бросающийся в глаза в последней части книги. Авторы ее убедительно показывают т. Кирова как организатора, трибуна, хозяйственника. Но они не привели аналогичных по силе эпизодов и картин, которые помогли бы читателю глубже воспринять Кирова как одного из замечательнейших борцов **за монолитность партии**, как человека, который был грозой для всей банды троцкистов, зиновьевцев и правых отщепенцев. Об этом сказано вскользь и сказано суховато, как бы в порядке газетной информации.

Необходимо новое издание, — а оно безусловно должно быть выпущено, — дополнить соответствующими материалами, а последние главы коренным образом переработать.

Это значительно повысит ценность «Повести о товарище Кирове», которая безусловно станет любимой книгой юного читателя.

Я. ЭЙДЕЛЬМАН

*) Б. Житков, Б. Ивантер, А. Некрасов, Б. Шатилов — «Повесть о товарище Кирове». Детиздат ЦК ВЛКСМ. 162 стр. Ц. 4 р. 50 к. Тир. 25.000 экз.

ОБЗОР ПЕЧАТИ

Плоды политической слепоты

Газета «Літаратура і Мастацтва» — орган правления ССП БССР и Управления по делам искусств при СНК БССР

17 декабря 1936 г. бюро ЦК КП(б) Белоруссии вынесло специальное постановление о газете «Літаратура і Мастацтва», отметив, что:

«Организационная распущенность и безответственность в аппарате редакции, отсутствие проверки исполнения своих распоряжений со стороны редактора тов. Гурского, отсутствие политического воспитания среди работников аппарата редакции привели к притуплению большевистской бдительности у редакции и создали обстановку, позволяющую врагам народа выступить с контрреволюционной клеветой на страницах газеты».

Редактору газеты т. Гурскому об'являлся выговор, а заместитель редактора т. Модель был снят с работы.

Решение ЦК поставило перед газетой ряд больших задач. Оно обязывало газету немедленно перестроить всю свою работу так, чтобы предотвратить возможность повторения многочисленных политических ошибок, имевших место в газете на протяжении 1936 г. Оно требовало от руководства редакции превращения газеты в действенное орудие партии в борьбе за высокоидейное и художественно полноценное социалистическое искусство.

Редакция газеты «Лім» опубликовала постановление бюро ЦК КП(б)Б, сопроводила его большой покаянной статьей, в которой вынуждена была признать, что газета «далеко не удовлетворяет возросших требований нашего читателя» (№ 73 от 31 декабря 1936 г.) и... забыла о необходимости практически реализовать это решение.

Лучшим доказательством этого является работа газеты за четыре месяца 1937 г.

Газета попрежнему бесцветна, бессодержательна, оторвана от актуальнейших проблем советской литературы. До сих пор на страницах газеты не поставлен ни один творческий вопрос. Статьи о литературе появляются редко, от случая к случаю, почти исключительно в дни юбилейных дат.

Со страниц газеты почти исчезли статьи о книгах. За четыре месяца газета напечатала только три рецензии о произведениях белорусских писателей и одну статью о творчестве еврейского поэта Харика.

За все время не напечатано ни одной статьи на животрепещущие темы советского литературоведения. Может показаться невероятным, что **литературная** газета не удосужилась напечатать ни одной передовой статьи о литературе, если не считать общих и абстрактных разглагольствований о перестройке.

Стиль работы газеты прекрасно характеризует номер, посвященный пятой годовщине исторического решения ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций от 23 апреля 1932 г. В двух статьях о пятилетии газета не назвала ни одного произведения, ни одной фамилии белорусского писателя или писателя других народов СССР. В статьях нет ни одного слова о конкретных достижениях советской литературы. И в этом и в последующих номерах «Лім» совершенно обошла молчанием вредительскую троцкистскую деятельность авербаховской банды в литературе. Неужели т. Гурский думает, что эти вопросы, волнующие всю писательскую общественность Союза, не имеют никакого отношения к белорусской литературе и к писательской организации БССР?

Неужели т. Гурского ничему не научило совсем недавнее прошлое, когда под носом у правления ССП БССР и в самом аппарате редакции «Лім» подвизались подлые враги народа—контрреволюционные нацдемы, троцкисты, в частности троцкистско-авербаховский ублюдок националист Дунец?

Какова цена неоднократным признаниям т. Гурским своей политической слепоты (правда, с оговорками, с попытками переложить ответственность на других), если на протяжении многих месяцев после разоблачения органами пролетарской диктатуры группы заклятых врагов народа, орудовавших в литературе, в газете не появилось ни одной статьи, разоблачающей гнусные методы их вредительской деятельности?

Мало того, газета продолжает умножать свои ошибки. В номере от 5 февраля помещен отчет Р. Лынькова о вечере пушкинских переводов. Газета пишет:

«Националистическая ограниченность белорусской литературы в прошлом, ограниченность, которая питалась и поддерживалась контрреволюционным нацдемовством, **слабость, несовершенство художественных средств, средств нашей литературы** в первые годы ее наибольшего роста **—после разгрома национал-демократизма,**—слабость, **неизбежная в период такого бурного роста,**—исключали в некотором смысле возможность перевода Пушкина на белорусский, равно как и на еврейский язык».

Что это — преступная неряшливость или попытка протащить пресловутую контрреволюционную «теорию» о том, что разгром национал-демократизма ослабил белорусскую советскую литературу?

Весьма странным является и отношение «Лім» к Союзу советских писателей.

Прошло больше месяца после собрания актива белорусских писателей, но газета почти ни словом не обмолвилась о том, что правление попрежнему бездействует, и о том, что до сих пор не принято никаких решений на основе материалов собрания. Газета, как и раньше, стоит в стороне от жизни партийной организации союза. Еще в № 1 за 1937 г. в передовой «Учиться, учиться и учиться» «Лім» декларировала, что

«Наша газета в ближайших номерах заводит отдел партийной жизни с тем, чтобы на своих страницах освещать эти вопросы, делиться опытом работы».

Прошло 4 месяца, а в газете нет не только обещанного «Отдела партийной жизни», но и вообще ни одной заметки о парторганизации союза, за исключением одной информации об отчетно-перевыборном собрании.

«Лім» продолжает обходить молчанием вопросы воспитательной работы, политической учебы писателей, вопросы выращивания новых литературных кадров.

Газета мирится с тем, что в аспирантуре Высшего педагогического института нет ни одного аспиранта по белорусской литературе. Газета не проронила ни одного звука о работе Института литературы и языка Академии наук БССР.

Лишь один раз газета вспомнила о помощи молодым писателям, поместив в номере от 3 января 1937 г. статью о стихотворении начинающего поэта Златогор-Васильева. Однако высокомерные поучения и грубые окрики этой статьи ничего общего с подлинной помощью не имеют.

Даже такой сугубо важный, решающий вопрос, как подготовка к XX годовщине Октября, до сих пор не нашел никакого отражения на страницах газеты, кроме нескольких тревожных восклицаний.

Только в случайных хроникерских заметках газета сообщает о том, кто и над чем работает.

Писатель на страницах «Лім» — чрезвычайно редкий гость. Круг ее авторов до-нельзя узок и ограничивается почти исключительно работниками редакции, далеко не достаточно квалифицированными.

За четыре месяца напечатаны лишь две статьи писателей (тт. Долгопольского и Александровича). Но и тогда, когда газета печатает того или иного писателя, она устраняется от критического отношения к материалу.

Так поступила редакция, напечатав насквозь фальшивый, пошлый и искусственно надуманный рассказ З. М. Бядули «Анчар», посвященный Пушкину, в котором блестящее стихотворение гениального поэта герой рассказа читает вместо псалтиря над умершим отцом (№ 8 от 10 февраля 1937 г.).

Газета не использует такого мощного оружия в борьбе за повышение идейных и художественных качеств советской литературы, как отзывы читателей о книгах.

В силу каких-то странных обстоятельств «Літаратура і Мастацтва» молчит о литературе народов братских республик (ни строчки о произведениях писателей Москвы и Ленинграда), а также и о еврейской литературе БССР.

Все это, естественно, привело к полному отрыву газеты от писательской общественности. Она никого не волнует, она абсолютно не авторитетна. Многие писатели ее никогда не читают.

Мы далеко не исчерпали всего, что можно было бы сказать о газете. Совершенно ясно, что редакция газеты «Літаратура і Мастацтва» до сих пор ничего не сделала для осуществления решения ЦК КП(б)Б от 17 декабря 1936 г.

С. ДЕЛЬ

М. СЕРЕБРЯНСКИЙ

«Жизнь Клима Самгина»

В издании Гослитиздата вышел четвертый (последний) том «Жизни Клима Самгина». Великий мастер не успел в этом томе развернуть нескольких, бегло намеченных, эпизодов, но, — как справедливо пишет в своем предисловии комиссия по приемке литературного наследства А. М. Горького, — все эти «недостатки по отношению к общему об'ему рукописи все же настолько несущественны, что ни в малой мере, как увидит читатель, не лишают четвертую часть повести «Жизнь Клима Самгина» художественной цельности».

Огромна четырехтомная эпопея А. М. Горького, вершина его замечательного художественного творчества. Она долго будет предметом пристального изучения и восхищения перед писателем, который с такой творческой силой и полнотой сумел нарисовать художественную историю русской общественной жизни последних четырех десятилетий перед Великой социалистической революцией.

По своим литературным и идейным достоинствам «Жизнь Клима Самгина» является произведением исключительной художественной ценности, оно займет одно из первых мест среди лучших достижений мировой литературы.

При всем богатстве ее исторического содержания и при всех художественных достоинствах этой повести ,она еще недостаточно оценена, недостаточно понята нашей критикой.

Есть произведения искусства, познавательное и эстетическое значение которых возрастает вместе с ростом культурного уровня читателя и самой литературы и служит неиссякаемым источником их художественного обогащения. «Жизнь Клима Самгина» принадлежит к произведениям этого рода.

Задуманная А. М. Горьким давно, еще на Капри, «Жизнь Клима Самгина» не случайно приходится на последние годы литературной деятельности великого пролетарского писателя. То разоблачение нравов и отношений капиталистического строя, которое Горький начал еще в рассказах и повестях девяностых годов, завершилось в наши дни богатейшим по содержанию произведением, в котором прослежена историческая жизнь целых социальных слоев и в частности того слоя буржуазной интеллигенции, различных представителей которого А. М. Горький изучал и наблюдал на протяжении почти всей своей творческой жизни.

Об истории написания «Клима Самгина» Горький рассказывал следующее в беседе с начинающими писателями.

«Эта книга затеяна мною давно, после первой революции пятого-шестого года, когда интеллигенция, считавшая себя революционной, — она и действительно принимала кое-какое фактическое участие в организации первой революции, — в седьмом-восьмом годах начала круто уходить вправо. Тогда появился кадетский сборник «Вехи» и целый ряд других произведений, которые указывали и доказывали, что интеллигенции с рабочим классом и вообще с революцией не по дороге. У меня явилось желание дать фигуру такого, по моему мнению, типичного интеллигента. Я их знал лично и в довольно большом количестве, но кроме того я знал этого интеллигента исторически, литературно, знал его как тип не только нашей страны, но и Франции и Англии. Этот тип индивидуалиста, человека непременно средних интеллектуальных способностей, лишенного каких-либо ярких качеств, проходит в литературе на протяжении всего XIX века. Этот тип был и у нас: человек—член революционного кружка, затем вошел в буржуазную государственность в качестве ее защитника. Вам вероятно не нужно напоминать о том, что та интеллигенция, которая живет в эмиграции, за границей, клевещет на Союз Советов, организует заговоры и вообще занимается подлостями, эта интеллигенция в большинстве состоит из Самгиных»... «Мне хотелось изобразить в лице Самгина такого интеллигента средней стоимости, который проходит сквозь целый ряд настроений, ища для себя наиболее независимого места в жизни, где бы ему было удобно и материально и внутренне».

Этот типичный буржуазный интеллигент средней стоимости, лицемер и двурушник, непримиримый враг рабочего класса, человек, сумевший так приспособиться к обстановке развертывающейся классовой борьбы, что даже наиболее близкие к Самгину люди обманываются насчет его истинной сути, — таков центральный герой этой замечательной повести, обрисованный с исключительной психологической глубиной и мастерством.

В четырех книгах «Клима Самгина» 499 действующих лиц. Основных героев, с которыми читатель встречается во всех частях повести, — 137 и 362 так называемых эпизодических действующих лиц, которые участвуют большей частью в массовых сценах. И со всем этим громадным количеством героев Горький справился превосходно.

Каждый из основных героев ярко обрисован в его наиболее существенных особенностях, с его индивидуальной манерой речи, мышления и поведения.

«Жизнь Клима Самгина» с особенной силой и убедительностью разбивает пущенные враждебной нам критикой легенды о недостаточной сюжетности произведений Горького.

Напротив. В «Климе Самгине» сюжет повести развернут превосходно, до конца прослежены в неразрывной связи с главной идеей произведения судьбы даже второстепенных героев, которых Горький тонко и умело рисует на разных этапах исторических событий, составляющих содержание «Жизни Клима Самгина».

Нет, кажется, в России тех лет ни одного класса, ни одной социальной группы, представители которых не нашли бы своего отражения на страницах «Клима Самгина».

Повесть начинается, как известно, с изображения детских лет главного героя, родившегося в семидесятых годах, с изображения той социальной среды и той социально-психологической атмосферы буржуазного строя, в которой формируются характеры, подобные самгинскому, и заканчивается апрельскими днями 1917 года, выступлением В. И. Ленина, указывающего трудящимся массам большевистские пути борьбы за социализм.

Крупнейшие события русской истории последних четырех десятилетий развернуты на страницах «Жизни Клима Самгина». Распад народничества и бездорожье восьмидесятых годов; начало рабочего движения и первые марксистские кружки в России; борьба марксизма с народничеством всех оттенков, с «легальными марксистами», с меньшевиками и эсерами, из рядов которых вышли заклятые враги рабочего класса. Назревание революционного под'ема и формирование кадров пролетарских революционеров-большевиков; рост революционного движения и попытки господствующих классов «приручить» революцию; зубатовщина и гапоновщина, и нарисованные с изумительной силой картины расстрела рабочих 9 января 1905 года, баррикадные бои и революция 1905 года; взаимоотношения классов и сложнейшие перипетии классовой борьбы в этот период. Эпоха реакции, обнажившая истинную природу Самгина и самгинщины как общественного явления; новый революционный под'ем и жизнь Клима Самгина в эмиграции; война 1914 года и первые месяцы февральской революции 1917 года и большевики накануне Октября — таков далеко не полный перечень исторических событий, развернутых в «Климе Самгине» и хорошо организованных композиционно в четырехтомной эпической повести.

В кратких заметках о «Жизни Клима Самгина» нет, разумеется, возможности сколько-нибудь подробно остановиться на характеристике героев этой повести. Критическому анализу ее советская критика должна будет посвятить ряд исследовательских работ, которые помогут нашей литературе творчески освоить богатейшее наследие А. М. Горького.

Какова основная идея «Жизни Клима Самгина»?

В этой повести, как и во всем своем творчестве, Горький художественно утверждает историческую правоту дела рабочего класса, уничтожающего капитализм и создающего новое социалистическое общество. Взаимоотношения и мышление, поступки и поведение героев, все сюжетное развитие повести подчинено именно этой мысли, реализованной в движении ярких и сильных образов.

В повести участвуют сотни действующих лиц, но два из них — Клим Самгин и большевик Степан Кутузов — наиболее полно выражают тот основной социальный конфликт, в пределах которого развивается на протяжении четырех томов история всей жизни Клима Самгина, типичного буржуазного интеллигента средней стоимости, достойного представителя обреченного класса.

Сравнительно с Климом Самгиным и другими героями повести большевик Кутузов занимает в ней небольшое место. Но каждая встреча с ним заставляет Клима Самгина еще острее почувствовать несокрушимую силу нового, наступающего на капитализм класса пролетариев, которым принадлежит будущее.

С изумительным мастерством психологического анализа рисует Горький то главное, основное чувство, которое определяло и направляло жизнь Клима Самгина по определенному руслу. Этим чувством был страх перед надвигающейся революцией, которая угрожала смести до основания буржуазный мир, капиталистический жизненный уклад, сформировавший мелкий, ничтожный характер Клима Самгина, верного слуги класса собственников.

В огромной массе замечательно отобранных Горьким деталей отражены такие черты психологии и характера Самгина, как беспредельный эгоизм, равнодушие к людям, индивидуализм, желание уйти и спрятаться от всех социальных бурь и занять в жизни такое место, где было бы удобно и спокойно.

Но Клим Самгин не просто обыватель. И хотя он говорит Нехаевой «жизнь дана мне не для того, чтобы я решал, кто прав: народники или марксисты», Самгин отнюдь не склонен только к пассивному сопротивлению. Напротив. Чем глубже и шире развертывалась классовая борьба, чем быстрее назревали революционные события, тем изобретательнее становилась мысль Самгина, врага рабочего класса, всеми фибрами своей души ненавидевшего народные массы и революцию.

Страх перед растущим рабочим движением гонит Самгина в марксистские кружки девяностых и девятисотых годов. Но с самого начала его закономерно привлекают те «марксисты», которые, конечно, отдают предпочтение «теориям» Струве и Туган-Барановского, а не учению Маркса.

На собраниях у Прейса, где встречалась буржуазная молодежь, пытавшаяся теоретически подкрепить капиталистическую практику своих отцов и своего класса, «все высказывалось осторожно и почти все подтверждали мнения свои ссылками на Эдуарда Бернштейна. Самгин видел, что тут сходятся люди как будто родственные ему, — это делало их особенно неприятными». Но это еще теснее связывало Самгина с людьми, близкими ему по духу.

Всегда хранившему в своей душе страх перед революцией «Самгину нравилось дразнить и пугать этих людей. Коротенькими фразами он говорил им все, что знал о рабочем движении, подчеркивал его анархизм, рассказывал о грузчиках, казаках и еще о каких-то выдуманных им людях, в которых уже чувствуется пробуждение классовой ненависти. Этой ненависти он невольно придавал зоологическую окраску, **но уже не выдумывал ее, а почерпал в себе самом».**

Эта великолепная художественная деталь,— а таких в повести множество,— превосходно рисует душу, внутренний мир Клима Самгина, сознательно обманывавшего других относительно той зоологической ненависти к народу, которую он черпал в себе самом.

Ложь и лицемерие, тактика двурушника ощущаются везде и всюду во всем поведении Клима Самгина. Рассказывая о революционных событиях и о расстреле рабочих царем 9 января 1905 года, «он очень хотел, чтобы людям было страшно слушать, **чтобы страх отрезвлял их, и ему казалось**, что он этого достигает: людям — страшно». И для Клима Самгина эти «устрашающие» рассказы — остроумно высмеянные большевиком рабочим Дунаевым — были также одной из форм борьбы с революционным движением.

Несколько позже, в годы реакции, когда вышли знаменитые ренегатские «Вехи», обливавшие грязью революционное движение, друг Самгина Иван Дронов зачитывает ему то место из статьи Гершензона, которое точно формулировало отношение кадетской интеллигенции к «усмиренному» народу. «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна, своими штыками охраняет нас от ярости народной...».

И Клим Самгин был прав, когда «вслед за этим он отметил с чувством гордости:

— В этой книге есть идеи, очень близкие мне, быть может рожденные, посеянные мною».

И это верно потому, что в словах публициста-веховца как в зеркале отразился дух самгинщины, от начала до конца враждебной практике и теории пролетарского социализма.

Ярость народная пугала Самгиных, всю жизнь скрывавших за различными «системами фраз» жестокое равнодушие к интересам и судьбе народа, решительное нежелание исправить положение вещей и уничтожить строй, основанный на духовном и материальном угнетении трудового народа.

С замечательным реалистическим мастерством разоблачает Горький природу самгинщины не как индивидуального, а как социального явления. Общественная жизнь Клима Самгина, непримиримого врага рабочего класса, началась с лицемерного признания некоторых истин марксизма, искаженного русскими и европейскими струвианцами и бернштейнианцами. И последнее ощущение Самгина: «Ленин—личный враг». Так естественно замыкается круг развития Самгина и Самгиных.

В статье «О «Вехах» В. И. Ленин писал:

«Там, где нет исстрадавшихся народных масс, не может быть и демократического движения. А демократическое движение отличается от простого «бунта» как раз тем, что оно идет под знаменем известных радикальных политических идей» (том XIV, изд. III, стр. 220).

Чем шире и глубже развивалось это движение под руководством пролетариата и его партии, боровшихся за социализм, тем резче и определеннее обнаруживалась враждебная ему контрреволюционная природа Самгина и самгинщины, блестяще, мастерски разоблаченная Горьким в образе главного героя этой эпической повести.

«Жизнь Клима Самгина» поэтому, как и другие произведения великого пролетарского писателя,— великолепное оружие борьбы против троцкизма, против всех врагов партии и народа. Читаешь изумительные по глубине психологического анализа и идейно-политической насыщенности страницы «Клима Самгина» и видишь, как всем своим обликом близки друг другу Клим Самгин и «герои» двух последних процессов троцкистско-фашистских бандитов, изменники и предатели родины, добивавшиеся вместе с правыми отщепенцами реставрации капитализма, восстановления строя насилия и эксплоатации народных масс.

Не случайно то, что контрреволюционная троцкистская «критика» враждебно встретила гениальную повесть Горького, ибо она попадала не в бровь, а в глаз этим изменникам и предателям родины.

В статье троцкиста-вредителя Л. Авербаха, построенной на беспринципности, лицемерии и пустой фразе, преследовались отнюдь не литературные, а грязные вредительские цели.

Животной злобой пронизаны писания троцкиста Горбачева, нагло утверждавшего, что в повести «поражает отсутствие единой освещающей ее идеи», именно потому, что идея повести, как и все ее содержание, безжалостно разоблачает Горбачевых, Авербахов, Горбовых и других братьев по духу Клима Самгина. Злобное шипение врагов лишь подтверждает художественную силу, политическую остроту и актуальность этого замечательного произведения гениального художника.

В «Жизни Клима Самгина» могучий талант Горького одержал еще одну и может быть самую крупную свою победу. Труднейшая творческая задача решена блестяще.

Нигде как будто не вмешиваясь в ход повествования, Горький так тонко оперирует колоссальным фактическим материалом, так умно и психологически правдиво ставит Клима Самгина в самые различные отношения с другими героями, что действительность предстает перед читателем во всей своей широте и содержательности и еще резче оттеняет потрясающее духовное убожество и ничтожество Самгина, этого «мастера мелких мыслей», позорно и бесславно уходящего с общественной сцены.

В «Жизни Клима Самгина» мастерство Горького, классика социалистического реализма, развернулось с исключительной силой. Великолепно обрисованы основные герои, критическому анализу которых надо посвятить ряд отдельных статей.

Не менее ярки и удачны массовые сцены, в которых действуют представители самых разнообразных слоев и классов дореволюционной России, описания баррикадных боев, событий 9 января, похорон Баумана и т. д.

Выход четвертого тома «Жизни Клима Самгина» — крупное событие в литературной жизни. Эта повесть А. М. Горького поднимает нашу литературу на еще более высокую ступень. И по этому произведению великого художника, как и на всем его творчестве, **наши писатели должны учиться творчески** овладевать мастерством и проблемами большого исторического **значения**.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1787 год
Родился К. Батюшков

150 лет назад, 29 мая 1787 года, родился К. Н. Батюшков — один из крупнейших русских поэтов начала XIX века.

Батюшков начал печататься в 1805 году и с самого начала своей литературной деятельности примкнул к карамзинистам, боровшимся с архаичностью русского языка, защищаемой Шишковым. В московском кружке карамзинистов он близко сошелся с Жуковским и Вяземским. Впоследствии в Петербурге он вошел в «Арзамас».

Наибольшей литературной известности Батюшков достиг в 1816—17 гг. В этот период он пишет лучшие свои стихотворения. Однако расцвет творчества был очень недолог. Уже к концу этого десятилетия у него появляются признаки душевного заболевания, а в 1822 году болезнь приняла такие формы, что его пришлось поместить в лечебницу. Болезнь оказалась неизлечимой, и Батюшков более 30 лет был изолирован от общества. Умер он в 1855 году.

Поэзия Батюшкова, весьма узко ограниченная любовной и салонной тематикой, не удовлетворяла Пушкина и Белинского. **Пушкин** осуждал его за ограниченность изображаемых переживаний.

Сравнивая «Сетования Тасса» Байрона с «Умирающим Тассом» Батюшкова Пушкин писал: «Тасс дышал любовью и всеми страстями, а здесь кроме славолюбия и добродушия... ничего не видно. Это умирающий Василий Львович, а не Торквато».

Но зато и Пушкин и Белинский признавали огромное значение Батюшкова как реформатора поэтического языка, придавшего ему небывалую до того легкость и звучность.

Батюшков учил писать просто и безыскусно, требовал сближения литературного языка с живым. «Живи, как пишешь и пиши, как живешь»,— повторял он много раз.

1862 год
Умер Л. Мей

28 мая 1862 года умер Л. А. Мей — известный поэт, драматург и переводчик.

Мей был одним из немногих писателей 40-х годов, настойчиво изучавших народное творчество.

Большое значение в этом отношении имело для него участие в «молодой редакции» «Москвитянина» и дружба с Островским, Мельниковым-Печерским, Горбуновым и др.

Вместе с ними Мей настойчиво изучал народное творчество. И если его исторические драмы, в том числе и лучшая из них — «Псковитянка», — не дают правильного изображения народной жизни, то в них по крайней мере звучит живая русская речь со всеми ее характерными бытовыми и этнографическими особенностями. После казенно-патриотических пьес Кукольника и Полевого это был большой шаг вперед.

Изучение народного творчества, языка и летописей помогло Мею в его девятилетнем труде по переложению «Слова о полку Игореве». Перевод Мея и сейчас является одним из лучших.

Как переводчик Мей совершил огромную работу. Прекрасно владея латынью и пятью западно-европейскими языками, он дал ряд блестящих переводов из Анакреона, Гете, Шиллера, Мильтона, Шекспира, Мицкевича, Шевченко, Гюго, Гейне и др.

Его переводы обладают всеми поэтическими достоинствами и прекрасно передают дух оригинала.

Сборники песен народов СССР

К двадцатой годовщине Великой Пролетарской Революции Музгиз подготовляет большой сборник песенного творчества народов СССР, в котором будет помещено до 800 песен.

Готовятся, кроме того, трехтомник русских и сборник чувашских народных песен.

Сдан в печать сборник песен донских и кубанских казаков.

«ДИПЛОМАТИЯ»

Весьма своеобразно понимает бюро группкома писателей Жургазоб'единения свои обязанности.

Директор Пушкинского заповедника **т. Голубев** письмом в «Правду» изобличил **М. Скороходова** в возмутительной халтуре. В своем очерке «Михайловские рощи» (Журнал «Октябрь» № 1) Скороходов не только переврал пушкинские стихи, но и сообщил ряд явно сочиненных им фактов.

Но существуют на свете люди с «семейственными» предрасположениями и дипломатическим тактом. У них всегда найдет слово утешения и вздох сочувствия всякий пойманный с поличным грешник, если только он свой человек. На это и рассчитывал, повидимому, Скороходов, обращаясь за поддержкой в группком Жургазоб'единения. И Скороходов не обманулся.

Перед нами решение бюро группкома, блещущее соломоновой мудростью. Здесь, с одной стороны, констатируют, а, с другой стороны, отрицают; в известной мере признают и в такой же мере сомневаются; в одном отношении как будто осуждают, а в другом — безусловно смазывают.

И выходит по решению группкома писателей Жургазоб'единения, что виноват во всей этой неприятности не Скороходов, а сам... Голубев, отказавшийся своевременно взять «шефство» над Скороходовым.

(Так ли уж, уважаемые товарищи, обязан т. Голубев возиться со всяким гастролером, непроизводительно затрачивая свое время, нужное для более полезных дел?).

Выходит, кроме того, что действия Скороходова можно квалифицировать лишь как «легкомысленность», хотя речь идет о явной недобросовестности автора; наконец, по странной формулировке бюро, получается, что многие искажения, указанные «Правдой», представляют... «большой интерес».

Вот и пойми, какую позицию занимает бюро группкома писателей Журнально-газетного об'единения. Во всяком случае, одно можно констатировать с полной уверенностью: принципиальностью здесь и не пахнет.

Рисунок В. Щеглова к IV главе II тома «Истории гражданской войны в СССР» (проект).

На собрании драматургов

21 мая было созвано общемосковское собрание драматургов, повестка которого намечала: сообщение по делу Киршона, Бр. Ясенского и др., вопрос об управлении по охране авторских прав и довыборы бюро секции драматургов.

Но на самом собрании первый вопрос был сперва отодвинут, а затем и вовсе снят в виду отсутствия Вс. Вишневского, который должен был сделать сообщение.

Решено было начать собрание с довыборов членов бюро секции, а во время подсчета голосов обсудить второй вопрос — об управлении по охране авторских прав.

Пока счетчики выясняли результаты голосования, собрание заслушало информацию **т. Прута** о первых результатах работы комиссии, избранной секцией драматургов для ознакомления с положением в УОАП. Так как работа комиссии к дню собрания только началась, естественно, информация комиссии не содержала никаких новых фактов. Непонятно, зачем нужно было ее делать.

Выступивший на собрании **Н. Погодин** заявил, что, по его мнению, сообщение комиссии Наркомфина, опубликованное в печати... «запутало дело».

Н. Погодин берет на себя смелость утверждать, что ревизоры из НКФ недостаточно об'ективно разбирали дело. Не имея своей точки зрения, они согласовывали свои выводы с руководством ССП, которое, — утверждает Н. Погодин, — никогда работой УОАП не интересовалось.

Оспаривая правильность выводов комиссии НКФ, Н. Погодин пытался взять под защиту руководящих работников УОАП — Киршона и Лернера.

Странно было слышать, как он необоснованно стремился реабилитировать Киршона, принесшего всей своей деятельностью столько вреда драматургической общественности.

Непристойным было выступление **В. Ардова,** употребившего в отношении советской печати недопустимые выражения. Никто не может помешать кому бы то ни было полемизировать по существу материалов, публикуемых в газетах, но элементарное уважение к советской печати, в которой работает и сам Ардов, должно было удержать его от развязной болтовни и поведения, недостойного советского журналиста и писателя.

Президиум собрания после выступлений Погодина и Ардова огласил свой протест:

«В некоторой части своей речи т. Погодин допустил ряд формулировок, неверно освещающих деятельность Киршона в Управлении охраны авторских прав. У Погодина — хотел он этого или нет — получилась попытка необоснованной реабилитации деятельности Киршона в УОАП. В своем выступлении Ардов позволил себе ряд недопустимых выражений по адресу советской прессы, которые президиум решительно отметает».

В бюро секции драматургов выбраны дополнительно два новых члена — тт. Леонидов и Н. Погодин. Таким образом в новое бюро секции драматургов входят: **К. Тренев, Вс. Вишневский, А. Файко, В. Гусев, Б. Левин, О. Леонидов и Н. Погодин.**

Собрание поручило комиссии в течение пяти дней закончить работу по изучению материалов УОАП и передать свои выводы в бюро секции.

Решено просить руководство ССП СССР всякие мероприятия по реорганизации деятельности УОАП проводить с учетом мнения драматургической общественности.

Секция должна принять все меры к тому, чтобы работа Управления по охране авторских прав не прерывалась ни на один день.

Бюро секции предложено продумать конкретные мероприятия для упорядочения дела распространения пьес.

В ПАРТОРГАНИЗАЦИИ ЛОССП

Собрание парторганизации ленинградского отделения ССП полностью одобрило резолюцию, принятую на совместном заседании партгруппы и парткома Ленинградского союза писателей.

М. Чумандрину за то, что он не выступил с развернутой критикой своих вредных книг («Склока», «Бывший герой» и др.) и не помог разоблачению авербаховщины, об'явлен выговор. Партсобрание постановило также вывести М. Чумандрина из парткома.

★

Как показало последнее собрание парторганизации ЛенССП, некоторые писатели-коммунисты не понимают, что задача широкой борьбы с авербаховщиной стоит во всей остроте, не понимают недопустимости какого-бы то ни было либерализма и прекраснодушия. Непонимание этого ярко выразилось при обсуждении вопроса об определении партвзыскания М. Чумандрину.

Отдельные товарищи, давая правильную политическую оценку ошибкам М. Чумандрина, возражали, однако, против вынесения ему выговора, предлагая ограничиться выводом из парткома.

Выступление самого М. Чумандрина, в отличие от его речи на расширенном заседании правления ЛОССП, не было достаточно самокритичным. На сей раз «самокритика» Чумандрина носила странный характер: он говорил главным образом о чужих ошибках и своих доблестях. Такая «самокритика» была резко осуждена партсобранием. Тем более странно, что партсобрание, определяя меру партийного взыскания Чумандрину, проявило такую «мягкость».

А. М.

У ЛЕНИНГРАДСКИХ КРИТИКОВ

ЛЕНИНГРАД (**наш корр.**). Началась деловая работа секции критиков и литературоведов ЛенССП. Первое собрание было посвящено обсуждению книги **Л. Левина «На знакомые темы».**

Сообщение об этой книге сделал **А. Дымшиц.** Он подверг резкой критике сочиненные Л. Левиным «теории»: о человеческом материале, о «внутренней теме», о противопоставлении материала и художника и т. д.

В книге Л. Левина, — приходит к выводу т. Дымшиц, — выражена система буржуазно-эстетских взглядов, связанная с традициями рапповской критики.

Участники обсуждения (**А. Амстердам, Б. Бялик, Н. Лесючевский, В. Друзин, Н. Свирин, Л. Плоткин и др.**) согласились и развили многие из положений, высказанных во вступительном слове, но,—подчеркнули они,—связь литературно-критических взглядов Л. Левина с вреднейшими теориями РАПП более очевидна и определенна, чем это отмечено т. Дымшицем. В частности, теорийка Л. Левина о человеческом материале смыкается с рапповской теорией о «живом человеке». Книга Л. Левина враждебна социалистическому реализму. Любопытно, что сам термин — социалистический реализм — в книге ни разу не встречается.

Собрание отметило недостаточность той критики книги Л. Левина, которая прозвучала в выступлениях И. Гринберга и Р. Мессер. И. Гринберг свою речь свел к очень деликатной «академической полемике», а Р. Мессер недостаток книги увидела лишь в разрыве между суб'ективными «благими намерениями» автора и порочным осуществлением этих намерений.

Выступивший на собрании Л. Левин с большим опозданием должен был признать ряд грубейших ошибок в своей критической работе, нашедших яркое отражение в книге.

★

В начале июня состоится второе собрание секции. Тема собрания — обсуждение и раскрытие методов троцкистского вредительства в литературе.

К. В.

Ближе к драматургической общественности

Совещание в Комитете по делам искусств при СНК СССР

Всесоюзный комитет по делам искусств созвал 22 мая совещание драматургов для того, чтобы вместе с ними обсудить вопросы репертуарной политики.

В кабинете т. Я. О. Боярского собрались советские драматурги И. Бабель, В. Соловьев, В. Гусев, Н. Вирта, В. Левин, А. Глебов, С. Амаглобели, С. Вашенцев, Л. Славин, К. Финн, Матвеев (Ленинград), Ф. Вольф, Бибик (Самара), И. Прут, Вс. Вишневский, В. Катаев, Б. Зорич и др.

По словам т. **Боярского,** комитету было довольно трудно наладить связь с секцией драматургов, возглавлявшейся Киршоном.

Новое бюро секции и ее актив должны помочь Комитету окончательно ликвидировать остатки авербаховщины на театре и уничтожить плоды вредной политики Киршона и Афиногенова, проводившейся при полном попустительстве руководителей республиканского и областного реперткомов тт. Литовского и Млечина.

К деловой творческой связи и взаимопомощи призывали драматургов в своих выступлениях Я. О. Боярский и И. Чичеров.

★

Доклад т. **Чичерова** о задачах недавно созданного репертуарного сектора ВКИ не удовлетворил драматургов: он изобиловал расплывчатыми формулировками, общими местами.

Единодушное возражение драматургов вызвало сообщение докладчика о том, что Комитет, осуществляя творческое руководство театрами, намерен составлять и публиковать списки пьес, рекомендуемых к постановке.

Намечаемая «система отметок» драматургам по существу восстанавливает пресловутую литерацию ГУРК. Она была решительно отвергнута.

— Надо предоставить театрам, — заявляют драматурги, — свободу в выборе советских пьес. Руководители не только центральных, но и периферийных театров, должны обладать достаточным вкусом и требовательностью к драматургическим произведениям.

Работа репертуарного сектора ВКИ ни в коем случае не должна дублировать или подменять собой деятельность Реперткома.

Задача Всесоюзного комитета по делам искусств — поднять работу реперткомов на должную высоту.

Бюрократическая система руководства искусством должна быть сдана в архив. Никакие крупные мероприятия не должны проводиться келейно, без участия широкой драматургической общественности.

— Может быть следует, — подчеркивает в своем выступлении **Вс. Вишневский,** — создать при Комитете по делам искусств художественный совет из авторитетных работников искусства, который помог бы разрешать важнейшие вопросы художественной жизни в нашей стране.

По мнению Вс. Вишневского, Комитет до сих пор неправильно ставил вопрос об авторском праве. Положение о нем надо пересмотреть, но это должно быть сделано при участии широкой литературной общественности.

В заключительном слове т. Боярский указал, что волна активов, проходящих сейчас в театрах, даст обширный и разносторонний материал, на основе которого будут осуществлены конкретные мероприятия, способные обеспечить правильную театральную политику Комитета.

Для выработки этих мероприятий в помощь Комитету от драматургов выделены тт. В. Гусев, В. Катаев и К. Финн.

Решено созвать в ближайшее время всесоюзное совещание по делам театра.

Осенью репертуарный сектор Комитета по делам искусств предполагает созвать всесоюзное тематическое совещание.

Е. КОСТРОВА.

«Былины»

Десять былин о подвигах первых русских богатырей, о их ратной службе на границах Руси, о кровавых и жестоких битвах с татарскими полчищами и другими врагами родины, о славных путешествиях Садко выпускает издательство «Academia».

В книгу вошли былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Ставр Годинович», «Илья Муромец и сын», «Дюк Степанович», «Добрыня Никитич и Змей», «Садко купец, богатый гость», «Алеша Попович и Тугарин», «Вольга», «Василий Буслаевич», «Добрыня Никитич и Алеша Попович».

Книгу былин приготовил к печати и прокомментировал С. К. Шамбинаго. Выйдет она в начале 1938 года в оформлении группы палехских художников.

Новая книга Ромэн Роллана

Директором Гослитиздата т. Накоряковым получено от Ромэн Роллана известие, что он закончил работу над большой новой книгой о творчестве Бетховена. Книга выходит во Франции в издательстве «Areos».

Одновременно Ромэн Роллан сообщает, что он высылает рукопись новой книги в СССР для перевода и издания на русском языке.

«День советской поэзии»

В Центральном парке культуры и отдыха им. Горького

24 мая с утра в Парке культуры и отдыха им. Горького собрались десятки тысяч посетителей. В аллеях парка много портретов советских поэтов. На щитах — отрывки из наиболее популярных стихотворений.

К сожалению, не всех поэтов можно было узнать по фотографиям. Фотолаборатория Литфонда ССП дала парку в большинстве своем неудачные и устаревшие снимки.

В детском городке должна была состояться встреча юных посетителей парка с детскими писателями — Барто, Михалковым, Александровой, Венгровым и др. Собралось около 500 детей, которые с нетерпением ждали выступления хорошо знакомых им авторов. Однако, выяснилось, что С. Михалков отдыхает в Ялте, а Барто, Венгров и Александрова на встречу с детьми не явились.

С ребятами пришлось заняться срочно вызванной парком поэтессе Н. Саконской, которая сделала все для того, чтобы дети хорошо провели время.

В шесть часов вечера начали работать литературные консультации. И. Сельвинский, Л. Длигач, Вера Инбер, Джек Алтаузен и др. давали посетителям парка подробные ответы на все интересующие их в области поэзии вопросы. Вокруг консультантов собралось много людей. Тут были и литкружковцы, которые читали свои стихи и получали советы и оценку от поэтов, и библиотекари, интересовавшиеся последними новинками литературы.

Консультация прошла оживленно. Не меньшим успехом пользовалась и литературно-массовая игра «Наши поэты». Знатокам и любителям советской поэзии было роздано много премий.

Вечер поэтов старшего поколения состоялся в Зеленом театре. Вступительное слово сказал ответственный секретарь ССП СССР т. Ставский. Говоря о нездоровых толкованиях, которые могут вызвать «дела» авербаховцев — Киршона и Афиногенова и др.—т. Ставский подчеркнул, что основной состав писателей состоит из глубоко преданных делу социализма людей. Писательский коллектив, очищаясь от чуждых людей, продолжает упорно работать над созданием произведений, достойных нашей великой сталинской эпохи.

Свои произведения читали в Зеленом театре М. Голодный, А. Сурков, И. Сельвинский, А. Жаров, А. Безыменский, И. Уткин, М. Исаковский, Дж. Алтаузен, В. Лебедев-Кумач, С. Васильев и др.

На симфонической эстраде с большим успехом прошел **вечер памяти Маяковского.** С докладом о творчестве поэта выступил О. Брик.

Вечер интернациональной литературы—на культбазе парка—начался с большим опозданием. Писатель Фр. Вольф, который должен был сказать вступительное слово, почему то не приехал. Пришлось экспромтом выступить поэту Гуго Гупперту.

Литературный вечер открыли узбекские поэты тт. Усман Насыр и Уйгун, они с успехом прочли стихи на своем родном языке.

Очень тепло был встречен и немецкий поэт Э. Вайнерт. Он прочел свою «Интернациональную песню», с которой идут в бой бойцы интернациональной бригады в республиканской Испании.

Молодые поэты — тт. Л. Длигач, Д. Кедрин, А. Коган, С. Олендер и Е. Долматовский — выступали на Зеленом острове.

Несмотря на отдельные организационные недочеты, «День советской поэзии» прошел с успехом.

Впервые широкие массы читателей встретились с большим коллективом поэтов.

Эта встреча ярко показала, с каким огромным вниманием относятся трудящиеся нашей страны к советской поэзии.

Подобные литературные вечера, только более тщательно подготовленные, следует ввести в практику ССП СССР.

С. ГОРСКИЙ

По страницам журналов

Двойной (4—5) номер немецкого журнала «Das Wort» за апрель—май содержит ценные материалы и статьи, характеризующие четырехлетнюю деятельность немецких антифашистских писателей-эмигрантов и оценивающие «достижения» фашистской литературы за этот же период времени.

Статья **Карла Обермана** о четырех годах существования фашистской литературы дает наглядное представление о чрезвычайно низком ее уровне. Анализ «творчества» фашистских писателей дает автору право заключить, что в самой Германии нет больше великой литературы, которая заставила бы говорить о себе, которая проникала бы за границу и переводилась на иностранные языки.

Нужно отметить интереснейший документ, опубликованный в настоящем номере журнала. Немецкий писатель и педагог **Эрнст Вихерт** недавно прочитал доклад для студентов университета в Мюнхене; немедленно после этого Вихерт был арестован и отправлен в концентрационный лагерь. Доклад его под угрозой уголовного преследования фашисты запретили распространять.

Только потому, что один из студентов застенографировал эту речь, она дошла до редакции «Das Wort» и полностью напечатана.

Вихерт открыто призывает молодежь к борьбе за поруганную культуру, за свободу и справедливость. Он жестоко бичует тех, кто из страха не подымает своего голоса против фашистского варварства.

Основная часть этого интересного номера журнала «Das Wort» посвящена итогам четырехлетия немецкой литературы антифашистского народного фронта. Одно лишь перечисление имен постоянных сотрудников журнала — писателей мирового масштаба — наряду с талантливейшими представителями молодой немецкой литературы — Генрих Манн, Томас Манн, Лион Фейхтвангер, Арнольд Цвейг, Стефан Цвейг, Эрнст Толлер, Людвиг Ренн, Бертольд Брехт, Оскар Мария Граф, Эмиль Людвиг, Пливье, Альфред Деблин, Бальдер и Рудольф Ольден, Рудольф Леонард, Бруно Саломен, Бодо Узе, Бредель, Бехер, Вольф, Киш и т. д. и т. д. — одни эти имена говорят о великой силе немецкой антифашистской литературы.

Росту антифашистской литературы, богатству литературных и политических тем, своеобразию жанров, высокой художественности и мастерству многих произведений посвящен в настоящем номере ряд статей.

В номере помещены интереснейшие ответы 100 известнейших немецких антифашистских писателей на биографическую анкету редакции. Эти ответы являются первым и единственным пока справочником библиографического характера, дающим перечень произведений писателей, написанных до фашистского нашествия и в годы эмиграции.

Среди богатого материала номера журнала отметим стихотворения **Брехта и Вагенгейма** из эпоса о Максиме Горьком, рассказы **Анны Зегерс, Вилли Бределя, Оскар Мария Графа.**

Литературный Киев

Секция прозаиков союза украинских советских писателей выпускает к XX годовщине Великой социалистической революции сборник рассказов и других произведений, посвященных великой исторической дате. К участию в сборнике прозаики пригласили драматургическую и поэтическую секции.

★

На общем собрании русских писателей г. Киева с отчетным докладом о работе секции выступил т. Я. Городской. Работа бюро секции была подвергнута резкой критике.

Указывалось на отсутствие политико-воспитательной работы с писателями, отсутствие острой творческой критики и т. д.

Избрано новое бюро секции в составе тт. **Я. Городского, В. Охрименко и Н. Ушакова.**

★

Правление союза советских писателей Украины постановило **восстановить в правах члена союза т. Бузько,** исключенного из союза собранием харьковских писателей за выступление его с острой критикой вредительской деятельности врага народа, бывшего председателя союза А. Сенченко.

В этом своем выступлении т. Бузько допустил ряд неправильных, вредных выпадов против украинской советской литературы и отдельных писателей. Но на том же собрании т. Бузько осудил эту часть своего выступления.

КНИГИ ЧАВЧАВАДЗЕ

К столетию со дня рождения И. Чавчавадзе Государственное издательство Грузии выпустило однотомник его произведений, который охватывает часть художественного наследия грузинского классика. В однотомник вошли 81 стихотворение, 5 поэм, 7 повестей и 18 переводных произведений.

Помимо однотомника Госиздат Грузии выпускает к юбилею первый том пятитомного юбилейного академического издания сочинений Чавчавадзе.

Умер М. Шкэтан

16 мая после непродолжительной болезни умер марийский писатель Яков Павлович Майоров (М. Шкэтан).

М. Шкэтан родился в 1898 г. в семье крестьянина-бедняка. В 1912 г. окончил двухклассное училище.

С 1918 по 1922 г. М. Шкэтан работает в волисполкоме и уисполкоме, а в 1922 г. переходит на газетную работу.

Писать т. Шкэтан начал в 1920 г. Им написаны: повесть «Грехи бога», роман «Эрэнгер» (перев. на русский язык), несколько пьес и рассказов.

Тов. Шкэтан похоронен на площади в Оршанке, Марийской области (родина писателя).

По страницам печати

Дискуссия с самим собой

«Рабочая Москва» стала уделять много внимания вопросам художественной литературы. Это нужно всячески приветствовать. Массовая рабочая газета обязана давать своим читателям широкую информацию о литературных явлениях и квалифицированную оценку книжных новинок.

Но при этом необходимо одно условие: в высказываниях газеты не должно быть разнобоя, редакция должна быть принципиальной в своих оценках.

Мы оставляем на совести т. И. Рябова, автора «Литературных заметок» («Р. М.», 9 мая), его суждения о способностях молодого поэта Железнова, о стихах, помещенных в сборнике «Молодая Москва». Оставляем на совести рецензента и ту непонятную язвительность, с которой он тычет Железнову в глаза его уголовное прошлое.

Удивляет нас другое: в той же «Рабочей Москве» 12 сентября 1936 года была дана резко противоположная оценка книги того же Железнова и вообще его поэтических способностей.

Рябов иронизирует над Железновым за то, что он якобы «кокетничает своим прошлым», а Л. Григоров в статье под многозначительным названием «Чудесное превращение» заявляет: «Много искренних строк уделяет Железнов своему невеселому прошлому». Рябов корит Железнова за то, что он «берется за любые темы», а Григоров сочувственно цитирует строки стихов, свидетельствующих о тематической разносторонности поэта. Рябов утверждает, что «упорство, с которым Железнов аттестует себя в качестве поэта, об'ективными данными, к сожалению, не подкреплено», Григоров пишет: «Обнаруженная им же самим (Железновым.— Ред.) «в горле порой хрипота», несомненно, пройдет. Он запоет во весь голос. Порукой тому ряд ярких стихов, обретенных в его книжке».

«Обретенные в книжке» не совсем, конечно, складное выражение, но вывод все же совершенно ясный: «Рабочая Москва» ухитряется на протяжении восьми месяцев то возвеличить молодого поэта, то «угробить» его. (Кстати, стихотворения, напечатанные в «Молодой Москве», частично вошли в книгу Железнова).

Что это: полемика редактора «Рабочей Москвы» с самим собою? Или только забывчивость?

Но ведь Железнову от этого не легче. И читателю тоже.

Книжная хроника

ГОСЛИТИЗДАТ

★ **«Сыновья»** — вторая часть трилогии «Иосиф» — Лиона Фейхтвангера—выходит в ближайшее время тиражом в **20** тысяч экземпляров. Книга переведена В. Станевич.

★ **Отдельными изданиями выходят** новый роман Г. Фиша **«Клятва»,** в котором показана героическая борьба пролетариата Финляндии и вскрыты основные причины поражения финляндской революции 1917—18 гг.; роман молодого советского писателя А. Первенцева **«Кочубей»** — о борьбе красных партизан Кубани против белых банд; В. Казина — **«Бандит»** — поэма о преступнике-рецидивисте, попавшем на Беломорско-Балтийский канал и в результате воспитательной работы и трудовой обстановки превратившемся в полноценного гражданина нашей страны.

★ **Избранные эпиграммы Марциала** издаются в переводе с латинского Н. Шатерникова. Эпиграммы римского сатирика красочно воссоздают Рим I века нашей эры, его нравы, быт, общественные отношения. Живой слог, простой язык и остроумие поэта придают произведениям большую свежесть. Эпиграммы по сей день представляют значительный интерес для широких читательских кругов.

★ **«Печаль и песня»** — так называется вышедший сборник стихов и поэм польского поэта Владислава Броневского.

Произведениям Броневского предпослана небольшая вступительная статья М. Живова — о творческом пути поэта.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.
Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполном. Главлита В—26128.
Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.